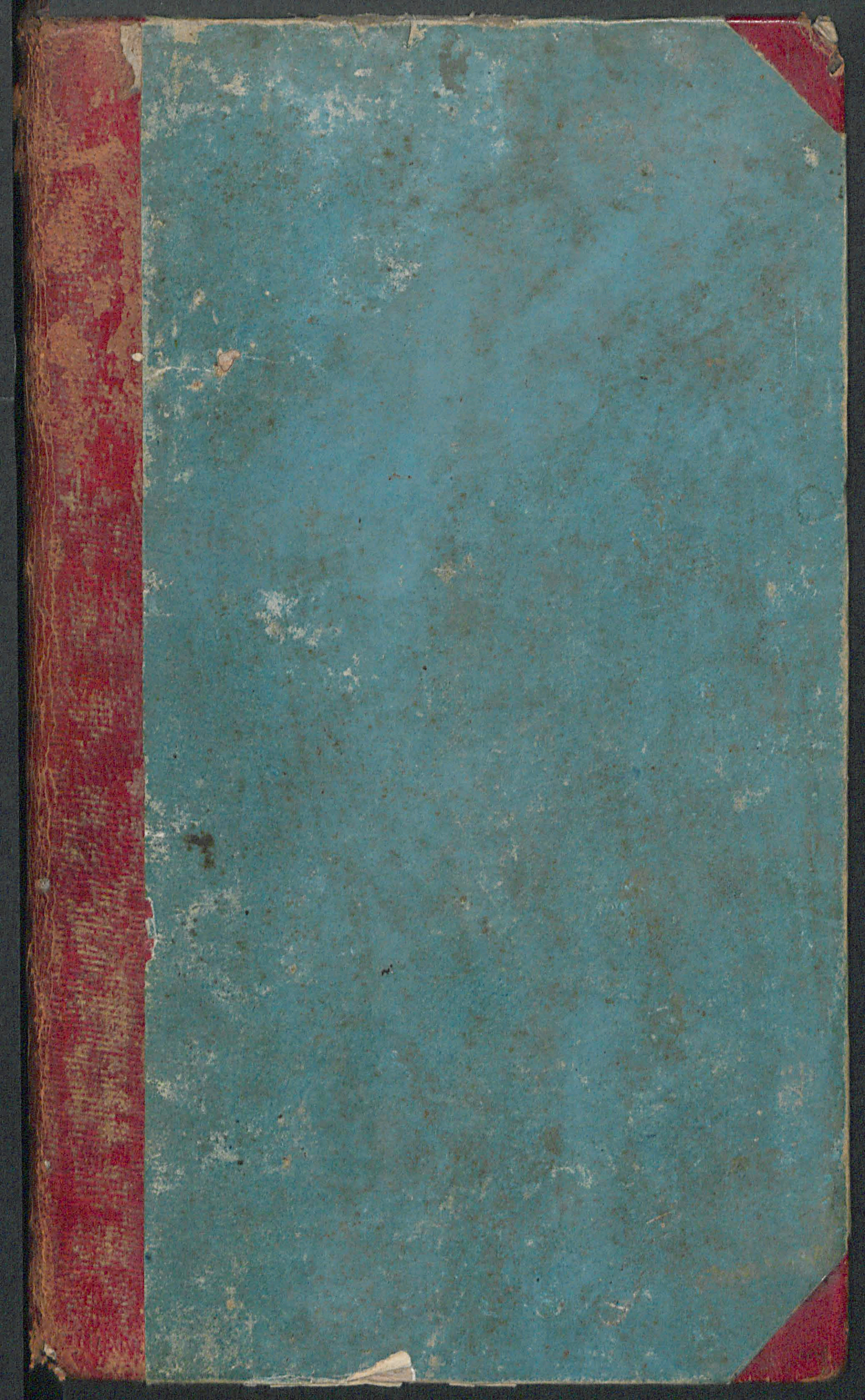
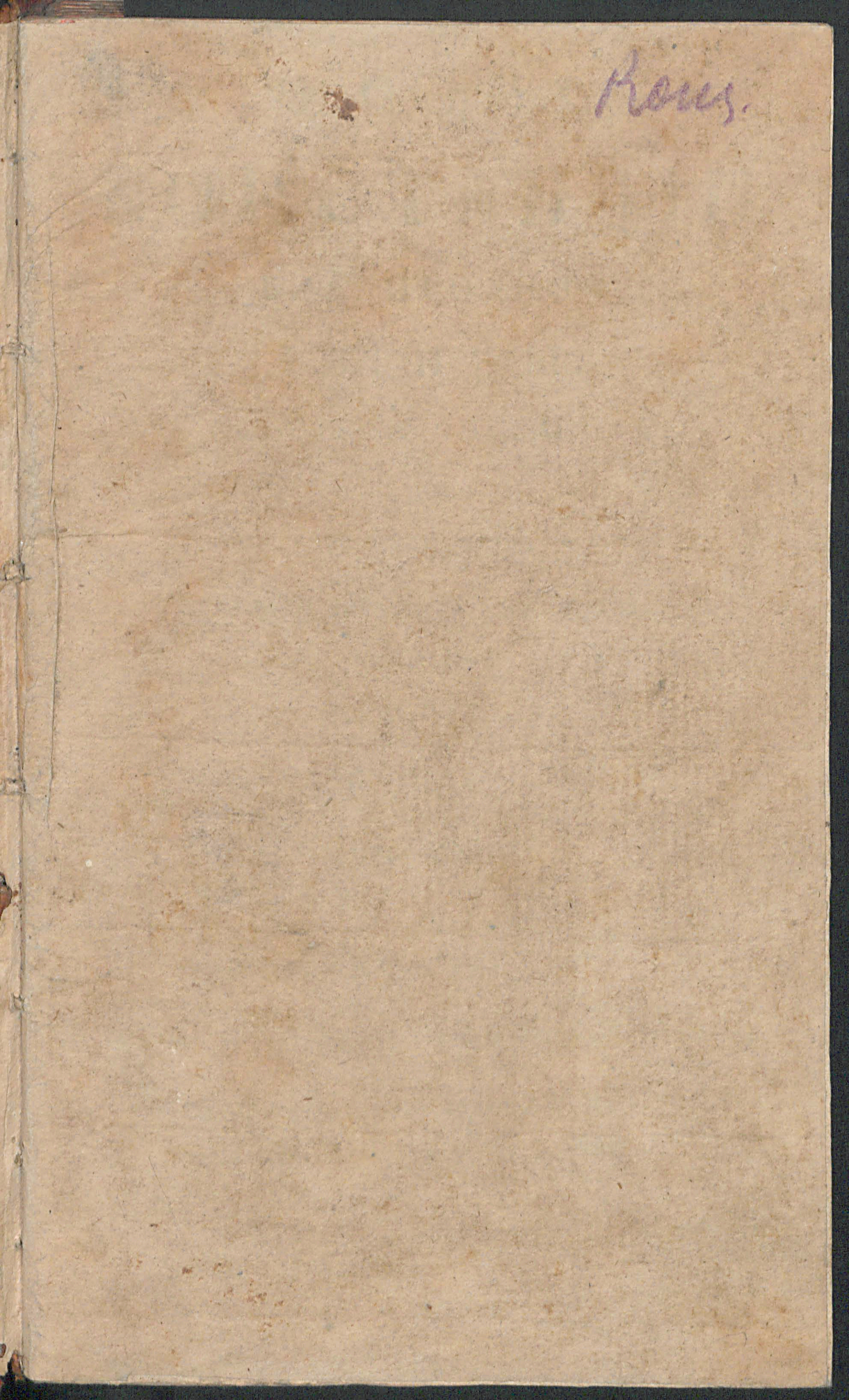

Rous.

ЖИЗНЬ
КОНСТАНЦІИ
БЛАГОРОДНОЙ ДѢВИЦЫ,

САМО́Ю ЕЮ ОПИСАННАЯ

ВЪ

ПИСЬМѢ КЪ ДѢВИЦѢ, * * *

ЖЕЛАЮЩЕЙ ВСТУПИТЬ ВЪ МОНАШЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ,

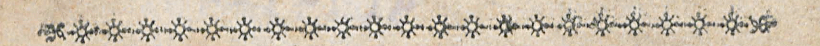
ИЗДАННАЯ

Господиномъ д' Арнау,

переведена

съ

ФРАНЦУЗСКАГО.

Печатана при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ, 1774. году.

ЖИЗНЬ КОНСТАНЦІИ.

Ты требовала отъ меня, любезная пріятельница, подробнаго описанія моихъ нещастій, въ чемъ по дружбѣ и любви моей не могу я тебѣ и отказать. Но повѣствованіе оныхъ растворитъ паки раны сердца моего, и ты вездѣ увидишь рыданіе и слезы, коихъ источникъ неисчерпаемъ. Сколь ни горестно мнѣ обращаться къ напоминанію наищастливѣйшей моей жизни; однакожъ утѣшаетъ меня по крайнѣй мѣрѣ то, что описаніе бѣдствій моихъ можетъ послужить тебѣ нѣкоторымъ образомъ въ пользу и въ наставленіе; чрезъ то можешь ты войти сама въ себя, и прилѣжно разсмотрѣть,

твердоль и основательно ли предпріятіе твое посвятить себя Богу, принявЪ образЪ монашескаго житія? Десница Вышняго подкрЕпляетЪ ли тебя вЪ семЪ душеспасителеномЪ обЕтЪ? Я не обинуяся утверждаю, что наше состояніе есть наиблаженнЕйшее, ежели зоветЪ насЪ кЪ тому сей Всемощный гласЪ, которой отвращаетЪ насЪ отЪ всЕхЪ житейскихЪ сладостей и попеченій; а ежели же напротивЪ того сладости міра сего насЪ удерживаютЪ и души наши предстаютЪ кЪ олтарю не извлекшися всЕхЪ похотей онаго, кои одна только небесная благодать вЪ насЪ умерщвляетЪ, то приготовляемЪ мы себя кЪ несноснымЪ искушеніямЪ и терзаніямЪ. Таковое состояніе чрезмЕрно ужасно и мучительно: имЪ раздражается небесный нашЪ Владыка, которому и вЪ самыхЪ маловажнЕйшихЪ нашихЪ чувствованіяхЪ отчетЪ мы дать повинны.

Я не лестно говорю тебЕ о семЪ, дражайшая моя пріятельница: да и причины никакой скрывать отЪ тебя истинны

ны не имѣю; ибо приближаюсь ужѐ къ тѣмъ часамъ, въ кои безъ прикрытія она являетъ. Дверь гроба моего ужѐ отверзлась; и я будучи почти во вратахъ смерти, описываю тебѣ мои приключенія. Всѣ чувствительныя сердца̀ бываютъ между собою сходны; а мое, по нещастію, можетъ служить другимъ въ наставленіе; ибо въ нѣжности и страданіи не было ему никогда подобнаго. Спокойно я умру, ежели примѣръ мой послужитъ тебѣ въ пользу. Нещастные находятъ себѣ въ томъ утѣшеніе, когда воспрепятствуютъ другимъ ввергнуться въ тѣ же искушенія, кои сами претерпѣли; кажется, что описывая тебѣ похожденіе мое, начинаю я вести новую жизнь и воображеніе, что мои нещастія могутъ предохранить тебя отъ тѣхъ бѣдствій, коихъ я была жертвою, услаждаетъ остатокъ дней моихъ.

Я родилась въ Британіи съ нѣкоторыми изъ тѣхъ дарованій человѣческихъ, кои люди, просвѣщенные закономъ или здравымъ разумомъ, ни во что вмѣняютъ.

Благородная природа, пріятная наружность, разумъ острой; но сіи обольщающія свойства не столько были мнѣ вредительны, какъ чрезмѣрная чувствительность, которая съ лѣтами во мнѣ возрастала и укрѣплялась. Движенія сердецъ сего рода бываютъ всегда сильны и весьма скоро въ страсти претворяются. Они воспламеняются тѣмъ скорѣе, что почитаютъ за добродѣтель, когда въ склонностяхъ своихъ бываютъ непоколебимы. Любя всѣхъ сродниковъ своихъ, съ превеликою горячностію почувствовала я, что есть еще склонности кромѣ ихъ, и что сердца̀ наши бываютъ объяты другими предметами, кои несравненно болѣе удовлетворяютъ ненасытныя наши желанія и не милосердо насъ мучатъ. По сему описанію должна я признаться, что это любовь; ибо она наиболѣе занимаетъ наши чувствованія, и открываетъ, къ чему стремятся желанія наши, рѣдко удовольствія получать себѣ могущія. О! какъ щастлива душа, вмѣщающая въ себя все пространство сей страсти, ежели самъ Творецъ нашъ бываетъ предметомъ оныя.

Тогда питается она радостію твердою и непорочною: но мнѣ судьба опредѣлила странствовать долго по непроходнымъ стезямъ міра сего и назначила меня въ примѣръ душамъ, прилѣпляющимся къ земнымъ сладостямъ.

Нѣкто изъ пріятелей предложилъ отцу моему, что Шевалье де Албонъ очень бы достойнымъ могъ мнѣ быть мужемъ, въ разсужденіи знатной его природы и имѣнія; но сіи выгоды казались мнѣ самомалѣйшими; благородной его и обольщающей взоръ, величавая и становитая осанка, прямое и безпритворное сердце, знаки честности и добродѣтель, во всемъ образѣ его сіяющая; однимъ словомъ всѣ тѣ пріятности, кои насъ привлекаютъ и покаряютъ мущинамъ и коихъ чувствованія описать не можно, плѣнили меня вдругъ, и на вѣкъ сердцемъ моимъ овладѣли. Казалось, что сама природа назначила его мнѣ супругомъ. Мы имѣли равныя склонности и равныя мысли, и души наши соединились мгновенно такимъ союзомъ, коего остатки снидутъ можетъ и во гробъ

со мною. Бѣдныя твари! можемъ ли мы прямо познать себя и изслѣдовать подлинную причину нашихъ чувствованій? Увы! я страшусь вопросить себя о томъ и вникнуть въ издыхающее мое сердце, неисчетными ранами уязвленное? Нещастная! правда ли? что единъ Богъ исторгаетъ сей источникъ слезъ изъ очей твоихъ?

Родственники наши съ обѣихъ сторонъ были на то согласны, а особливо отецъ мой, которой ничего не желалъ столь усердно, какъ сего супружества. Въ немъ одномъ только находила я отраду и утѣшеніе; ибо мать моя меня ненавидѣла и чрезвычайно сурово со мною поступала, а брата моего чрезмѣрно любила, на него только она смотрѣла и кромѣ его ни о чемъ не мыслила. По симъ расположеніямъ легко разсудить можно, что до меня не очень она была ласкова; но не взирая на всѣ ея препятствія, условленнаго союза разорвать она не могла. Я приближалась ужѐ къ той минутѣ, которая совершенно щастіе мое утверждала. День ужѐ къ заключе-

нію

нію сего столь желаемаго союза былЪ назначенЪ, и на канунЪ вожделЁннаго дня сего, когда было мнЁ надлежало ощущать совершенную радость, впала я вЪ прежестокую задумчивость и вЪ преглубочайшую печаль. Чрезвычайная тоска мною овладЁла. Я кидала взоры свои мысленно, то на отца своего, то на супруга, мнЁ назначеннаго. Слёзы текли изЪ глазЪ моихЪ по неволЁ; тайной нЁкой гласЪ возвЁщалЪ сердцу моему предстоящее мнЁ нещастіе. Ввечеру прощаясь сЪ отцомЪ своимЪ, обняла я его испрашивая не однократно его благословенія, и скоро потóмЪ возвращаясь, кидалась вЪ объятія его, казалось, что и онЪ таковое же смущеніе чувствовалЪ, такЪ что мы плакали оба. НаконецЪ разстались сЪ такимЪ сокрушеніемЪ, какЪ будто бы разлученіе сіе было на вЁки. ПришедЪ вЪ комнату свою, чувствовала я столь жестокой ужасЪ, что ничемЪ отЪ онаго избавиться не могла. Тщетно воображала я, что буду на вЁки соединена сЪ обожаемымЪ мною человЁкомЪ, котораго желанія кЪ тому только и стремились, чтобЪ сдЁ-

лать меня наищастливѣйшею въ свѣтѣ, и быть первымъ другомъ отцу моему; но сія мысль уступала противъ воли моей, воображеніямъ и предчувствованіямъ печальнымъ. Сонъ засталъ меня въ сихъ смутныхъ и неизвѣстныхъ колебаніяхъ.

Хотя и не безъизвѣстно мнѣ, что толкованіе сновъ происходитъ отъ слабости человѣческаго разсудка, которому законъ весьма противится; но мое сновидѣніе столь соотвѣтствовательно съ плачевными происшествіями жизни моей, что необходимо должна я тебѣ его пересказать; и для того имъ и начинаю повѣствованіе нещастій моихъ. Симъ-то ужаснымъ сномъ начинаются неисчетныя мои бѣдствія, въ коихъ смерть скончитъ теченіе мое.

Мнѣ приснилось, что прогуливаюсь я въ превеликомъ и прекрасномъ саду; но вдругъ мѣсто сіе перемѣнилось въ преужасную пустыню. Повсюду являлись знаки опустошенія, отъ чего почувствовала я чрезвычайную скуку, и скоро потомъ услышала жалостное стенаніе,

нанiе, отъ чего страхъ во мнѣ умножился, и въ семъ состоянiи очутилась я въ преогромной церкви, которая обвѣшана и услана была чернымъ сукномъ. Тутъ совершала службу по усопшихъ. Олтарь, сдѣланной весь изъ мрамора, освѣщался одною только лампадою, изъ которой капала кровь: а внизу была надпись, которой никогда припомнить я не могла, а помню только то, что она меня испужала. Увидѣла с. Албона поблѣднѣвшаго и въ печальномъ платьѣ, которой подавалъ мнѣ руку. Незнаемой человѣкъ пришелъ намъ обѣявить, что настало время итти къ олтарю для вѣнчанiя. Лишь только подошли мы туда, то развѣсили надъ священникомъ и надъ нами покровъ, коимъ покрываютъ мертвыхъ; кольцо наложенное мнѣ на палецъ, упало и разшиблось на мѣлкiя части: загремѣлъ громъ и я упала безъ памяти; и лишь только стала приходить въ себя, то показалось мнѣ, что спускаюсь въ преглубокой ровъ, которой и засыпался землею. Тогда начала я громко кликать с. Албона; но вмѣсто того отворилась дверь и ужасное

спра-

страшилище вышедъ оттуда, сказало мнѣ унылымъ голосомъ, чтобъ слѣдовала за нимъ. Ходя долго по сему подъ землею скрылось оно отъ меня, и я очутилась въ погребѣ, гдѣ прикованъ былъ человѣкъ, которой положа руки свои на мертвую голову, горько плакалъ. Между тѣмъ обвернута будучи черным сукномъ, шла я съ прочими на кладьбище за гробомъ, въ коемъ лежалъ мертвой. Сей вставши изъ гроба, схватилъ меня и прижалъ къ себѣ крѣпко. Холодъ, которой отъ него я почувствовала, произвелъ во мнѣ столь сильное движеніе, что я вдругъ проснулась.

Не успѣла я еще опамятоваться отъ страшнаго сего видѣнія, какъ нечаянно отворилась дверь моя. Ужаснувшись, спрашивала я, ктобы таковъ вошелъ въ ночное время въ комнату мою? Мнѣ отвѣтствовано: извольте сударыня поскорѣе итти, батюшка васъ спрашиваетъ; батюшка меня спрашиваетъ! Да, сударыня, извольте поскорѣе, онъ при смерти.

Хотѣла было я еще спросить у слуги; но онъ побѣжалъ отъ меня скоро.

Вставши

Вставши полетѣла я въ комнаты родителя моего. Но какое зрѣлище представало очамъ моимъ? Нещастному отцу моему сдѣлался параличь и онъ испускалъ духъ въ объятіяхъ духовника своего и доктора. Мать моя стоя около его плакала, а братъ въ ногахъ кровати смотрѣлъ на явленіе сіе спокойными глазами, и какъ будто бы ужѐ былъ приготовленъ къ понесенію угрожающаго насъ бѣдствія. Ахъ! ты здѣсь, любезная дочь моя, сказалъ мнѣ умирающимъ голосомъ отецъ мой: подойди ко мнѣ, дражайшая Констанція, жизнь моя ужѐ скончевается, а въ послѣднія минуты я хочу, чтобъ глаза мои закрылись твоими руками. Ежели можно мнѣ надѣяться, сударыня, продолжалъ онъ оборотясь къ матери моей, что могу имѣть право требовать знаковъ дружбы вашей и по смерти моей; то прошу васъ не упускать ничего того, что будетъ служить къ щастію любезной дочери нашей; не откладывайте брака ея, ибо я совершенно увѣренъ, что сынъ нашъ противиться оному не станетъ. Онъ не можетъ поревновать знакамъ

мило-

милости, кои станете оказывать сестрѢ его. О семЪ только прошу я васЪ при послѢднемЪ моемЪ издыханіи, будьте ей и матерью и отцомЪ, чѢмЪ и наградите уронЪ ея, кончиною моею претерпѢнной. При сихЪ словахЪ упала я облившись слезами безЪ чувства вЪ обЪятія его, силившагося подняться и обнять меня. И лишЪ только начала̀ приходить вЪ память, то услышала, что закричали: онЪ ужѐ скончался! Сей слухЪ лишилЪ меня паки всѢхЪ чувствЪ, и опамятовавшись восчуствовала я ужасЪ состоянія моего, вЪ которое ѕлой рокЪ меня ввергнулЪ.

И вЪ самомЪ дѢлѢ лишась дражайшаго отца моего, лишилась я всего на свѢтѢ. Тогда-то начала̀ я предчувствовать, какой плачевной приготовляется мнѢ жребій; ибо извѢстно мнѢ ужѐ было, что мать моя не соглашалась выдать меня за с. Албона; а имѢніе наше было вЪ ея волѢ, и братЪ мой былЪ ею любимЪ чрезмѢрно. Присутствіе жениха моего облегчало нѢкоторымЪ образомЪ скорбь мою, но совсѢмЪ

одолѢть

одолѣть ея не могло. Я его сколько любила, столько же и почитала: въ немъ обрѣтала я самаго усерднѣйшаго друга, са́маго достойнѣйшаго и нѣжнѣйшаго любовника, необманомъ сдѣлался онъ мнѣ милъ; но чувствительное и великодушное сердце его меня плѣнило, и могу сказать, что онъ былъ собраніе всѣхъ совершенствъ человѣческихъ, почему и не противилась я лестной, но напослѣдокъ обманувшей меня надеждѣ имѣть столь совершеннаго супруга. Тогда-то испытала я, что небо опровергаетъ упованія человѣческія въ то са́мое время, когда кажется, что желанія наши приходятъ къ совершенному исполненію. Мать моя не замедлила показать мнѣ, что страхъ мой былъ основателенъ: привыкайте слушаться, сударыня, говоритъ она мнѣ, спустя нѣсколько дней послѣ сего нещастнаго происшествія; благопристойность заставляетъ васъ отправиться въ нѣкоторой путь, что сего же ве́чера и послѣдуетъ. Я хотѣла было отвѣчать, но говорить мнѣ запретили; въ семъ состояніи пошла я полумертва въ комнату свою.

Не

Не са́мое ли то предчувствовала я, что теперь со мною сбывается? Вскричала я тогда! не по справедливости считала я смерть отца моего началомъ всѣхъ моихъ бѣдствій? О, дражайшій мой отче! нѣтъ ужѐ тебя на свѣтѣ, смерть скрыла тебя отъ очей моихъ, кои никогда не затворятся, испуская по тебѣ вѣчныя слёзы; для чего не умерла и я съ тобою? по крайней мѣрѣ имѣла бы то утѣшеніе, что гробъ мой былъ бы отъ твоего́ нѐ далеко; но вмѣсто того предстоитъ мнѣ прегорестнѣйшая у̀часть. Гдѣ теперь с. Албонъ? Куда онъ скрылся? Что мнѣ безъ него дѣлать? Конечно я ужѐ его болѣе не увижу? Удалюсь отъ мѣста сего, не будучи увѣрена, что любовь его ко мнѣ останется непремѣнна, и возможно ли будетъ одолѣть всѣ препятствія! Нѣтъ, не льзя о томъ думать. С. Албонъ супругомъ мнѣ нѐ будетъ! видно что никогда тому не сбываться.

Въ семъ жестокомъ отчаяніи хотѣла я испытать, не могу ли написать къ нему письма̀, и по написаніи нѣкоторыхъ

торыхъ строкъ дрожайшею рукою увидѣла я мать мою, вшедшую ко мнѣ въ превеликомъ сердцѣ, спрашивая меня, что дѣлаю? Замѣшательство мое открыло ей истинну; схватя письмо изорвала она его и велѣла мнѣ итти за собою. Бросясь къ ногамъ ея, возопила я ей, куда ты хочешь вести меня? По крайней мѣрѣ дозволь мнѣ прежде увидиться хотя на одну минуту съ назначеннымъ мнѣ супругомъ. Не вы ли сами съ покойнымъ родителемъ моимъ дозволили мнѣ называть его симъ именемъ? Не вы ли при самой смерти дали ему обѣщаніе исполнить волю его? Но ты не внемлешь словъ моихъ, не видишь ни слезъ, ни отчаянія моего; я обнимаю колѣна твои, всѣ они орощены слезами моими; заключи меня въ темницу, умертви меня, да и самою мучительною смертію, но только дозволь увидѣться съ С. Албономъ и поговорить съ нимъ! Не таже ли я еще дочь ваша, которая прежде была; растерзай же, когда изволишь, сердце мое и лиши меня жизни, коею вамъ же я и обязана. Какое сдѣлала я преступленіе? Вы мнѣ

всегда были милы; такъ подлинно, я васъ всегда любила, не смотря на всѣ суровости ваши. . . . думала ли я, что вы вонзите столь острой мечь въ сердце мое.

По сихъ словахъ, не взирая на всю мою слабость, не могла я выпустить изъ рукъ своихъ ногъ ея: я удивляюсь, сударыня, отвѣчала мнѣ мать моя, что воспитанie произвело столь горкie плоды. Сожалительно, что вы слѣпую любовь отца вашего употребили во зло, и прилично ли дѣвушкѣ вашихъ лѣтъ слѣдовать пустымъ своимъ затѣямъ и заблужденiю сéрдца? По чему думали вы, что я на супружество ваше съ С. Албономъ согласна? Время перемѣнилось, сударыня, продолжала она, судьба ваша состоитъ ужè въ моей власти и вы должны располагать мысли свои по моей волѣ: что я съ вами сдѣлаю, въ томъ нѣтъ мнѣ нужды изъяснятся; знайте только теперь, что я требую отъ васъ послушанiя безъ всякаго противорѣчiя. По сихъ словахъ люди потащили меня безъ памяти въ карету, гдѣ сама ужè она съ братомъ моимъ

сидѣла:

сидѢла: оба во всю дорогу, которая 5 дней продолжалась, осыпали меня безчеловѢчіями. ВЪ шестой день пріѢхали мы кЪ воротамЪ одного монастыря. ВотЪ, сударыня, назначеное вамЪ новое пребываніе, сказала мнѢ мать моя самосвирѢпѢйшимЪ голосомЪ: не позабудьте, что я поступки свои буду располагать по вашимЪ, и что судьба ваша отЪ васЪ же самихЪ зависитЪ. Сіи были послѢднія слова матери моей, на которыя не допустила меня ничего отвѢчать; ибо вошли ужѐ вЪ монастырь. ВЪ семЪ неизвѢстномЪ мнѢ до того мѢстѢ, заключила меня вЪ особую комнату, которую лучше назвать тюрьмою, отдаленную отЪ родительскаго дома, и всего того, что меня кЪ жизни привязывало, вЪ разлукѢ сЪ С. АлбономЪ и всѢ сіи удары вдругЪ меня поразили.

Какое предстало мнѢ страшное воображеніе, когда опамятовавшись по сихЪ нечаянныхЪ приключеніяхЪ, начала я разсматривать бѢдственное мое состояніе! Ничто, кромѢ неищетныхЪ напастей, уму моему не представялось, даже до того, что лишена была всякой надежды,

жды, послѣдняго утѣшенія нещастнымъ, которое и во гробъ съ нами ни сходитъ; ибо поѣхала я не видавшись съ С. Албономъ и была совершенно увѣрена, что никогда съ нимъ не увижусь и пламень любви его ко мнѣ погаснетъ. Сія жестокая мысль не дозволяла вселиться въ сердце мое никакому оной сопротивляющемуся мнѣнію. О Боже мой! сколь бѣдна душа наша, что такимъ искушеніямъ противоборствовать не можетъ.

Въ первомъ движеніи поверглась я предъ животворящимъ крестомъ, стоящимъ въ комнатѣ моей; лобызала его орошая слезами и проливая предъ нимъ моленіе мое пребывающимся отъ рыданія голосомъ.

О коль то неоспоримо, любезная дочь моя! что нещастіе заставляетъ насъ чувствовать всемогущество Божіе. Нещастные повергаютъ съ восторгомъ предъ симъ всевышнимъ Утѣшителемъ; они видятъ его умными своими очами, говорятъ ему, представляютъ ему страданія свои, познаютъ, что нѣтъ на

земли́ иныя по́мощи и надежды, кромѢ его. Боже мой! Боже мой! вопіяла я ему изЪ глубины се́рдца моего! нѢтЪ мнѢ на ближняго, на покровителя, кромѢ тебя Бога и Го́спода моего: умилосердися надо мною нещастною, которая отЪ тебя только смерти требуетЪ.

ДвѢ новопостриженныя монахини вошли меня обыскать вЪ карманахЪ, сказывая, что сіе дѢлается по точному приказанію матери моей. Отняли у меня карандашЪ и пи́сьма С. Албона, единственное услажденіе вЪ горести моей, а изЪ книгЪ оставила мнѢ только одно поученіе о подражаніи Іисусу Христу. ВЪ сей премудрой книгѢ нашла я великое облегченіе и исцѢленіе вЪ ско́рби моей: законЪ сдѢлался мнѢ тогда великимЪ утѢшеніемЪ! никакое нравоучительное сочиненіе, никакая Философія древняя или новая, сей божественной книгѢ уподобиться не могутЪ; по истиннѢ можно сказать, что сама благодѢтельствующая Всевышняго рука ея начертала. Сколь многополезна была она мнѢ во всю жизнь мою и сколькократно, какЪ

искренной другъ, была хранилищемъ слезъ моихъ.

Между тѣмъ нѣжное напоминанiе не теряя силъ своихъ, становилось мнѣ ежедневно прiятнѣе. С. Албонъ душею моею доселѣ такъ не владычествовалъ; я описывала ему страданiя мои, какъ будто сама съ нимъ говорила; повторяла ему клятвы мои, что вѣчно его любить буду; вопрошала его, соотвѣтствуетъ ли онъ тому? и оканчивала рѣчь свою всегда тѣмъ воображенiемъ, что онъ базъ сомнѣнiя меня позабылъ. Кажется, что чувствительныя сердца представляютъ уму нашему болѣе печальныхъ воображенiй, нежели прiятныхъ мечтанiй, и можно сказать, что несчастiе человѣческое есть естественное его состоянiе. Всегда обращаютъ они взоры свои на сiю печальную дорогу, къ коей мои безпрестанно устремлялись.

Проводя не малое время въ семъ жестокомъ состоянiи, которое отъ смерти немного отличалось, не могла я получить никакого извѣстiя отъ матери моей. Ни горесть моя, ни слезныя прошенiя

шенія не могли преклонить строгость монастырскую. Всѣ меня чуждались, всѣ бѣгали отъ меня; въ себѣ только самой оставалось мнѣ искать утѣшенія, котораго и тамъ найти не могла. Безсильна будучи напослѣдокъ къ понесенію всей тяжести злощастій моихъ, приняла я намѣреніе уйти изъ монастыря. Съ начала испугала меня сія мысль, ибо представились мнѣ могущія произойти отъ того слѣдствія, недостатокъ средствъ къ содержанію себя честнымъ образомъ, необходимость быть подверженною всѣмъ униженіямъ, кои нещастію обыкновенными спутниками бываютъ, а болѣе всего подозрѣній, кои могла я навлечь на себя симъ поступкомъ. Нѣтъ! вскричала я: не исполню сего намѣренія, которое самой мнѣ гнуснымъ является. Хотя надежда быть свободною и утѣшаетъ меня, но можно ли жить хотя минуту, когда потеряю честь свою? Что скажутъ обо мнѣ? Сочтутъ виновною, и покроютъ вѣчно стыдомъ и посмѣяніемъ; умру въ отчаяніи и безславіе снидетъ со мною во гробъ, и ежели самъ С. Албонъ о томъ

узна́етъ и возъимѣетъ подозрѣніе; что со мною тогда будетъ?

Минуту спустя приняла я совсѣмъ противныя мысли. Но я несчастная плѣнница, говорила я себѣ, которая старается разорвать оковы свои; одно только бѣгство можетъ спасти меня отъ сей про́пасти, куда повидимому низринута я на вѣки. С. Албона я теперь не вижу; а тогда, по крайней мѣрѣ, узна́ю, живъ ли онъ еще, хотя бы и пересталъ меня любить. На семъ послѣднемъ остановилась я предпріятіи, которое скоро опровернуло все ему сопротивляющіеся. Что мнѣ нужды воображала, чтобъ обо мнѣ ни подумали, добродѣтель развѣ отъ народнаго мнѣнія зависитъ? Разсуждай и говори обо мнѣ вся вселенная какъ хочетъ, лишь бы сердце мое было непорочно. С. Албонъ будетъ и любить и почитать меня, когда узна́етъ, что для него учинила я сей поступолъ.

Вотъ, любезная дочь моя, до чего страсти насъ доводятъ; въ стремленіи своемъ заставляютъ они насъ стараться прикрывать оныя видомъ благочинія.

И

И такъ любовь преодолѣла благопристойность, должность, честь и законы. Надѣлавъ веревокъ изъ простынь, спустилась я изъ окошка въ садъ, но прошедъ нѣсколько шаговъ, бросилась на меня престрашная собака; закричавъ изъ всей силы, упала я на землю и лишилась всѣхъ чувствъ. Опамятовавшись узрѣла я себя въ рукахъ всѣхъ въ монастырѣ живущихъ старицъ, которыя сбѣжались на крикъ мой. Потащили меня къ начальницѣ, которая приказала заключить меня въ особую келью съ великою строгостію и кромѣ хлѣба и воды ничего мнѣ не давать, пока не получатъ извѣстія отъ матери моей, что со мною дѣлать.

Ввергнута будучи въ темницу мою, онѣмѣло на нѣкоторое время сердце мое. Не знаю, должно ли почитать состояніе сіе, отъ нестерпимыя болѣзни происходящее за милость Всевышняго, которой хранитъ насъ подъ кровомъ благости своея? Но онъ конечно хотѣлъ еще наказать меня. Очувствовавшись поразилъ меня новой и нечаянной ударъ. Одна изъ

служащихъ мнѣ монахинь дала знакъ, что имѣетъ мнѣ нѣчто сказать, по чему и просила я, чтобъ сестра ея оставили насъ однѣхъ; послѣ чего первая подала мнѣ письмо, которое скрытно до того держала, и лишь только прочла я нѣсколько строкъ, то вдругъ упала на землю, какъ будто бы громовая стрѣла меня поразила. Содержаніе онаго было слѣдующее: „Вы еще имѣете „пріятелей, сударыня, кои безпрестан„но о судьбѣ вашей стараются. Мы дол„го думали, какъ бы приготовить васъ „къ принятію нѣкоего извѣстія, для „свѣденія вашего весьма нужнаго; вы „находитесь теперь подъ кровомъ за„кона; онъ конечно подкрѣпитъ васъ „въ семъ неожидаемомъ злощастіи. Ше„валье де С. Албонъ сдѣлался любви ва„шей недостойнымъ, сердце его перемѣ„нилось; однимъ словомъ, сударыня, „препона, которая васъ съ нимъ раздѣ„ляетъ, стала непреоборима . . . Онъ „женился . . . . Въ продолженіи письма сего, оказывали мнѣ сожалѣнія, подавали совѣты и увѣщанія быть твердою и искать утѣшенія въ законѣ. Прочтя все

до конца, успѣла я лишь только вскричать, возможно ли, чтобъ С. Албонъ женился! Послѣ чего лишилась языка и слуха, но сердце мое возчувствовало всю тяжесть отчаянія моего. Долгое время проводила я въ семъ жалостномъ состояніи; и ежели приходили мнѣ когда на мысль желанія, то состояли обыкновенно въ томъ, чтобъ избавиться поскорѣе несносной для меня жизни, и казалось, что приближалась я ужѐ къ тому времени, въ которое разстаются съ нею съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ несчастной подъ тяжестію бремени своего стенящій человѣкъ чувствуетъ великое облегченіе, когда оное низлагаетъ. Въ семъ состояніи будучи, послышала я неизвѣстной мнѣ голосъ и отворя глаза̀, увидѣла я мать свою, виновницу всѣхъ моихъ бѣдствій. Природа имѣла еще права̀ свои надъ умершимъ почти моимъ сердцемъ: я обѣяла его съ восторгомъ. С. Албонъ измѣнилъ мнѣ! женился на другой! . . . Выговоря сіи слова̀, опустилась я отъ слабости опять на постелю. Что ты говоришь, дочь моя, отвѣчала мнѣ мать моя? С. Албонъ не

не былъ женатъ . . . Сія рѣчь подняла меня, любитъ ли онъ меня еще? Увы! продолжала она, надобно стараться позабывать его, и положиться на волю Божію, управляющую судьбою нашею. Нѣтъ! женихъ твой не былъ женатъ, прибавила она испустя тяжкой вздохъ. Но . . . . . ахъ! матушка, перервала я рѣчь ея, говорите все, не скрывайте ничего, что вы знаете: С. Албонъ . . . Ну, что же! С. Албонъ . . . какъ ты дочь моя не разумѣешь меня, замѣшательство мое довольно тебѣ открываетъ. С. Албона нѣтъ на свѣтѣ, онъ давно ужѐ умеръ! Ахъ! вскричала я! С. Албона нѣтъ на свѣтѣ! тутъ перервался голосъ мой, и мать моя прижала меня къ сердцу.

Двѣ недѣли жила она со мною, не слыша изъ устъ моихъ ничего кромѣ имени С. Албона. Тогда приняла я ужѐ твердое намѣреніе лишить себя жизни и часто возносила убійственное орудіе на грудь свою. Но законъ всегда меня удерживалъ. Увы! ежели бы жизнь наша не въ рукахъ была Создателевыхъ, по что бы терпѣть намъ горестное наше суще-

существованіе? Что можетъ утѣшительнѣе быть для нещастныхъ, кромѣ смерти?

Въ бытность свою отправила мать моя письмо къ теткѣ моей съ стороны родительской. Сія почтенная госпожа не замедлила своимъ пріѣздомъ и тронувшись несчастнымъ моимъ состояніемъ, повезла меня съ собою въ деревню, гдѣ, удаляся отъ свѣта, провождала она спокойно остатокъ дней своихъ, пользуясь маленькимъ доходомъ, которой по ограниченному ея расположенію, довольно былъ достаточенъ. Между тѣмъ мать моя дала мнѣ знать, что братъ мой намѣренъ скоро жениться, и что на мою часть не много имѣнія достанется; изъ чего не трудно мнѣ было понять, что не могу я никогда надѣяться жить въ родительскомъ домѣ.

Тетка моя утѣшала меня всѣми силами, дозволяя притомъ плакать свободно предъ собою. По лишеніи С. Албона все мнѣ сдѣлалось несноснымъ; тѣнь его стала мнѣ вездѣ казаться, слышалось,

лось, что онъ стонетъ и укоряетъ меня, что была причиною смерти его: такъ, конечно, я его низвергла во гробъ, куда самой мнѣ нетерпѣливо желается вселиться; разлученіе со мною стоило ему жизни; и я ужѐ испытала сколь ужасно лишеніе любезнаго предмета. Возможно ли вообразить себѣ, что С. Албонъ умеръ, что я не видала послѣднихъ его воздыханій и онъ моихъ не увидитъ! Я бы немедленно съ тобою въ одинъ гробъ вселилась! а теперь, какъ мнѣ жить, когда тебя нѣтъ на свѣтѣ!

Одно только ко всевышнему Богу прибѣжище мнѣ оставалось, отъ него только одного могла я ожидать исцѣленія столь глубокихъ ранъ се́рдца моего, и для того просила я у тетки моей дозволенія ѣхать въ монастырь и тамо принять на себя монашескій образъ, чему съ нача́ла весьма она противилась; но видя наконецъ не отступныя мои прошенія, принуждена была согласиться и сама отвезла меня въ игуменство, обязавшись при томъ по прошенію моему не извѣщать никому о

семъ

семЪ моемЪ поступкѢ, а особливо скрывать оной отЪ родственниковЪ моихЪ, которые, какЪ видно, не много мнѢ добра желали. По прошествіи опредѢленнаго на искусЪ времени, исполнила я обѢтЪ свой, надѢвЪ на себя священное покрывало. Сама измѢрила я пространство гроба моего, вЪ которой имѢла вселиться по смерти (*). ВЪ оной ввергнулась я еще живая; клятвы мои были ужѐ принесены олтарю; какое это страшное слово! какое воображеніе! самому Богу обѢщалась кромѢ его никого не любить. Внимай, любезная дочь моя, кЪ чему обязывала меня ужасная сія клятва. АхЪ! сколько разЪ приходила я вЪ раскаяніе!

Тетка моя, сохраняя твердо обѢщаніе свое, посѢщала меня всегда одна. Присутствіе и разговоры ея были мнѢ великимЪ услажденіемЪ вЪ снѢдающей меня печали; но скоротечная болѢзнь лишила

(*) ВЪ семЪ игуменствѢ было такое учрежденіе, что могилы для умершихЪ монахинь заготовлялись при жизни ихЪ сЪ самаго вступленія вЪ сіе состояніе.

лишила меня дражайшей сей сродницы, которая скончалась, не сказавъ никому ни о новомъ моемъ состоянiи, ни о мѣстѣ убѣжища моего.

Симъ урономъ нанесенная мнѣ печаль заставила меня чувствовать, что горесть моя безконечна; ибо онъ разорвалъ тѣ узы, кои къ обществу хотя нѣкоторымъ образомъ меня прилѣпляли. Тогдашнее мое состоянiе уподоблялось несчастному бытiю; подъемлющему главу свою изъ рва гибельнаго, которой при семъ извѣстiи скрылся въ оной на вѣки.

И такъ сдѣлалась я жертвою всѣмъ врагамъ гнѣздящимся въ сердцѣ моемъ. Чрезвычайно обманулась я, когда думала, что возъимѣвъ пристанище у святаго олтаря водворится тишина и въ душѣ моей. Увы! перемѣня платье мое, могла ли я перемѣнить и сердце? Какъ можно мнѣ было дѣлать такiя клятвы, которыхъ содержать была не въ силахъ? какъ можно было посвятить Богу такую душу, которая была во владычествѣ

ствѣ человѣческомъ? Хотя С. Албона на свѣтѣ и не было, но я изъ мысли истребить его не могла. Напоминая коль горкія проливалъ онъ обо мнѣ слёзы, часто сожалѣла я, что потеряла свою вольность и не знала, для чего такія сожалѣнія происходятъ; когда лишилась я предмета оныхъ, то въ несчатіяхъ моихъ, куда мнѣ было дѣваться, кромѣ монастыря, отдавшись въ жертву вѣчному сѣтованію? предъ кѣмъ удобнѣе мнѣ было проливать слёзы, кромѣ Создателя моего; но при всемъ томъ провождала я дни свои въ клятвопреступленіи и вѣроломности предъ нимъ. С. Албонъ восхищалъ у него нѣкоторымъ образомъ ту жертву, которую всякое дыханіе и вся тварь, яко Творцу и благодѣтелю своему, приносить обязаны. Сердца̀ человѣческія закрыты; а ежели бы можно было въ нихъ проникнуть, то мало бы сыскалось людей невинныхъ и безпорочныхъ! Я была безъ сомнѣнія первая изъ оныхъ; ибо подъ монашескою одеждою сохраняла я столь истинному благоговѣнію противныя чувствія.

Въ свѣтѣ обращающіеся люди не воображаютъ себѣ, любезная пріятельница моя, чтобъ страсть тогда укрѣпляться и паче возрастать могла, когда предмета ея ужѐ не стало. Однакожъ я скажу тебѣ, что въ семъ-то дѣйствительно бываетъ она состояніи, когда ужѐ предала бъ уединенію. Сердце бываетъ тогда постоянно и не прилѣпляясь къ другимъ предметамъ, оставляетъ страсть въ совершенной ея силѣ. Прилѣпившаяся къ ней и во уединеніи живущая душа, ни о комъ болѣе не мыслитъ, его одного воображаетъ и совсѣмъ ему предается. Ея не безпокоитъ ни время, ни разстояніе; отдаленнаго представляетъ себѣ присутствующимъ; мертваго живымъ; черты его написаны на скрижалѣхъ сердца ея; въ печали и уединеніи чувствительность всегда усиливается и разливается по всѣмъ чувствамъ.

Сія-то чувствительность опредѣлена мнѣ была вѣчною казнію, терзающею сердце мое, которое уготовано было въ снѣдь непрерывной моей горе-

сти. Ничто не могло уменьшить страданія моего, всегда во грѣхахъ предъ Богомъ пылала, сколько безумною, столько же и богопротивною любовію къ С. Албону, во слезахъ повергалась предъ олтаремъ, лобызала его страстно, приносила ему всю искренность и самое чистое раскаяніе, и входя потомъ въ расположеніе души моей, находила себя еще нѣжнѣе и виновнѣе прежняго.

Одна изъ монахинь, именемъ Софія, пособляла мнѣ изъ жалости сносить тяжесть сихъ тайныхъ страданій: она плакала со мною вмѣстѣ и старалась утѣшать меня? Чистая и слабостямъ непричастная ея душа наслаждалась еще совершенною невинностію. Она уподоблялась стеклу, ни отъ какого туска затмиться немогущему. Первое ея воздыханіе простиралось къ Богу; ему посвятила она всѣ мысли и чувства свои. При богоприлѣпленіи своемъ имѣла она глубокое и прямое разсужденіе, которое укрѣпляло ея въ благоговѣніи; достигши уже до тѣхъ лѣтъ, гдѣ мечта не дѣйствуетъ и всякое дѣло представ-

ляется глазамъ нашимъ въ подлинномъ своемъ видѣ; свѣтъ казался ей таковымъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Она воображала его наполненнымъ премножествомъ суетъ прелестныхъ и обманчивыхъ наружностей, неминуемыхъ бѣдностей и странныхъ оборотовъ, которыя приближаютъ къ смерти, такъ что ни одной минуты спокойно прожить въ немъ не можно и признавалась, что всѣ тѣ предметы, къ коимъ по человѣчеству мы прилѣпляемся. Какъ бы лестными они намъ ни казались, однакожъ не имѣютъ сей горячности и чистаго сего пламени, которое воспеняетъ умъ нашъ къ высочайшему существу и вливаетъ въ сердца наши безпорочную любовь; ничто его не смущаетъ и угрызенія совѣсти не безпокоитъ, всегда желаетъ, всегда получаетъ и добродѣтель не измѣняетъ. Высокое сіе разсужденіе и истинное свѣтопознаніе не препятствовало ей смотрѣть равнодушно и на слабости человѣческія, и сожалѣть о несчастныхъ, коихъ въ мірѣ семъ страсти обуреваютъ, стараясь при томъ исправлять прегрѣшенія ближняго

жняго несmроппивыми наставленіями. Будучи строга до жестокости вѣ разсужденіи себя, была равнодушна до чрезвычайности вѣ разсужденіи своихѣ сообщницѣ. Вѣ ней дѣйствовали и святость закона и права естественныя. Сіе боголюбіемѣ пылающее сердце орошала я своими отѣ богопротивной любви ліющимися слезами. О, дражайшая моя Софія! простри святую руку свою сѣ высоты небесной, гдѣ безѣ сомнѣнія получила ты достойное добрымѣ дѣламѣ твоимѣ воздаяніе; пріими мя подѣ кровѣ свой и умилосердись надѣ несчастною сестрою твоею, которая трепещетѣ, помышляя страшный Божій судѣ и вѣчную жизнь! Даруй достигнуть мнѣ безѣ ужаса до предстоящаго мнѣ конца! Но увы! тогда бѣ не ужасалась я смерти, когда бѣ подобную твоей на свѣтѣ вела жизнь.

Почтенная сія пріятельница, опорочивая страсть мою, сожалѣла обо мнѣ милостиво. Сладкія увѣщанія ея облегчали скорбь мою и заставляли иногда ощущать пріятность душевнаго спокойствія, озаряя душу мою лучемѣ утѣше-

нія утоляющимъ волнованіе страсти моей; она бы исцѣлила меня отъ оной и истребила изъ сердца моего память С. Албона, ежели бы всевышній Богъ не предоставилъ себе сего чудодѣйствія.

Въ одинъ день вошла она вдругъ въ келью мою и сѣла залившись слезами, что тебѣ сдѣлалось, дражайшая благодѣтельница моя, спросила я ея? Какая неожидаемая печаль тебя постигла? Ахъ! любезная дочь моя, отвѣчала она, теперь имѣла я предъ глазими самочувствительнѣйшей примѣръ злоключенія, коими свѣтъ сей исполненъ. Дай мнѣ успокоиться; сіе зрѣлище меня сразило. О нещастнѣйшіе люди! не довольно ли того, что подвержены вы толикимъ слабостямъ? можете ли вы еще быть столь суровы и безчеловѣчны? Любопытство мое отъ часу болѣе умножалось, не отступно просила я оное удовольствовать. Не знаю, продолжала она, буду ли я въ состояніи пересказать тебѣ сіе дѣйствіе безчеловѣчія. Помолчавъ не много, чувствительность твоя, дражайшая Констанція, говоритъ она,

пре-

претерпитЪ великое при семЪ извѣтѣ искушеніе: однакожЪ пріятно оплакивать судьбу несчастныхЪ и сожалѣть обЪ нихЪ; по чему и должна я раздѣлить сЪ тобою все то, что почувствовала.

Будучи вЪ трапезѣ, вошла ко мнѣ одна монахиня и сказала, что нѣкая незнакомая особа желаетЪ говорить со мною наеданѣ. ПотóмЪ появилась женщина лѣтЪ совершенныхЪ. ВидЪ ея показывалЪ, что она великое терпитЪ злоключеніе, однакожЪ можно было примѣтить, что осиливалась она скрывать подлинную причину несчастія своего. Жалость, которую она возбуждала, не производила такого сожалѣнія, которое иногда приводитЪ вЪ презрѣніе того, кто онную извлекЪ. ТотчасЪ посадила я ея и спрашивала, какое могу подáть ей, по силѣ своей, утѣшеніе. Она отвѣчала мнѣ пролитіемЪ источника слезЪ; чѣмЪ столько меня тронула, что я и сама отЪ слезЪ удержаться не могла. Не убойтесь, сударыня, обливать слезами вашими такое сердце, которое для васЪ совсѣмЪ открыто; не скрывай-

те отъ меня, скажите, какое несчастіе такъ васъ удручаетъ; удовольвіе помогать несчастнымъ, есть предчувствованіе горней сладости блаженно на землѣ живущимъ уготованной; хотя я разумомъ и недостаточна, но сердце мое вамъ предано. Государыня моя, перервала она рѣчь мою залившись слезами и сжавъ мнѣ руки: я не требую никакой васъ недостойной помощи; но прошу только сдѣлать со мною милосердіе, котораго я не стыжусь. Живущіе въ обители сей почтенные люди васъ таковою мнѣ описали; по чему и не устыдилась я прибѣгнуть къ вамъ и просить, ежели можно (при сихъ словахъ потупила она глаза съ нѣкоторымъ смущеніемъ) опредѣлить меня служанкою къ какой знатной госпожѣ. По сихъ словахъ испустила она опять рѣки слезъ.

О дражайшая Софія! вскричала я, выслушавъ сіе: не доводите ея до такого униженія; иногда и помощъ несноснѣе самаго несчастія бываетъ . . .

Выслушай меня, продолжала Софія: развѣ ты думаешь, что сердце пріятель-

тельницы твоей не также нѣжно, какъ твое? Я отвѣчала ей, продолжала она взявъ за-руку, вы не дойдете до такой крайности, а покажутъ вамъ другую состоянію вашему приличную услугу... Я не пріиму инаго благодѣянія: впала она тотчасъ въ рѣчь мою, а хочу исправлять самую подлую должность, покрою себя прахомъ земнымъ и тамо провожу остатокъ дней моихъ! Въ терзающей меня горести послѣдую волѣ Бога моего, праведно меня достойную гнѣва его наказующаго. Выговоря сіи слова измѣнилась она въ лицѣ и упала безъ памяти. Я подала ей должную помощь, и лишь только опамятовалась, къ чему небо не дозволяетъ намъ покушаться на жизнь свою! возопила она: съ какою бы радостію лишилась я своего бытія! Но я повинуюсь волѣ всевысочайшаго существа, которое меня покарало: такъ конечно, повторяю я, судъ Божій наказываетъ меня, я воспріялъ свое мщеніе. Да какія же ваши несчастіи? говорила я, откройтесь сударыня, можетъ быть и осталось еще средство ко облегченію скорби вашей, не оскорбляя честолюбія ва-

 щего,

шего, въ жизни свѣтской необходимамо. Подлинно такъ, что я была тщеславна, отвѣчала она, и то-то самое дѣлаетъ несчастїе мое болѣе несноснымъ. Я родилась, сударыня, совсѣмъ въ отмѣнномъ противъ теперешняго состоянїи: рода я знатнаго; занимала въ свѣтѣ хорошее мѣсто; была богата и почтенна; а теперь сочту себя весьма счастливою, ежели могу, гдѣ быть служанкою (слово сїе выговаривала она всегда съ огорченїемъ). Еще повторяю вамъ, сударыня, говорила я, что вы не будете въ служанкахъ. Не говорите мнѣ о другихъ благодѣянїяхъ, отвѣчала она: мнѣ надобно.... Охъ! мнѣ надобно умереть... Да развѣ злоключенїя ваши такого рода, что и пособить имъ не можно? Я лишилась всего имѣнїя, всего утѣшенїя и всей надежды: однимъ словомъ всего того, что въ свѣтѣ меня льстило и къ вящшему скорби моея усугубленїю; все сїе произошло отъ человѣка, коего не было мнѣ на свѣтѣ милѣе. Повѣрите ль, сударыня, что сей немилосердой тираннъ, сынъ мой, онъ-то ввергнулъ меня въ сїе несносное состоянїе! Сынъ

вашъ?

вашъ? такъ сударыня, сынъ мой, котораго питала я своею грудью, предпочла его всей моей фамилiи, для него позабыла должность мою, природу и самого Бога. Я не упомяну вамъ о слабостяхъ моихъ, и какъ я сего неблагодарнаго обожала: оставшись вдовою отдала въ руки его все свое имѣнiе и предалась совсѣмъ его волѣ, онъ женился; но къ совершенному моему злощастiю на такой женѣ, которая еще болѣе ожесточила злое и безчеловѣчное его сердце. Я сносила отъ нихъ, сударыня, всякiя ругательства и поношенiя, но ничто не могло тронуть сихъ извергoвъ. Одной только милости просила я у нихъ стоя на колѣняхъ, чтобъ дозволили мнѣ умереть въ углу своего замка, чтобъ грѣшное мое тѣло погребено было возлѣ родителей моихъ! Мнѣ остается очень мало времени, сынъ мой, говорила я, докучать вамъ стенанiями моими; вспомни, что я грудью моею тебя воздоила, не разлучай меня въ послѣднiе дни мои съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы оба родились и гдѣ воспитала я тебя на рукахъ моихъ.

Ахъ,

Ахъ, сынъ мой! думала ли я, что отъ тебя буду терпѣть такое мученіе.

Но все было тщетно. Ни прошеніе, ни слёзы мои, нижѐ самое отчаяніе тронуть ихъ не могло. Наконецъ, сударыня, принудили они меня разстаться съ любезнымъ мѣстомъ рожденія и жилища моего, гдѣ хотѣла я окончить остатокъ дней моихъ, предавъ меня крайней бѣдности и отчаянію, и къ пущей горести, всѣ пріятели и знакомые мои послѣдовали ихъ примѣру. Вотъ, сударыня, въ какихъ я обстоятельствахъ.

При сихъ словахъ, вскричала я опять: помоги, любезнѣйшая пріятельница, несчастной сей матерѣ! Увы! у меня у самой была мать! но какой это безчеловѣчной сынъ! Гдѣ теперь сія несчастная? допустите меня ея видѣть, я потщусь отереть ея слёзы. Ты не выслушала еще, продолжала Софія, всѣхъ ея горестей; ибо при семъ несчастіи жестокое угрызеніе терзаетъ ея совѣсть. Недовольно того, сказала она мнѣ, что я несчастнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ,

я

я еще самая злодѣйка. Когда такъ, продолжала я съ удивленіемъ, то должно прибѣгнуть съ сокрушеніемъ сердечнымъ ко благоутробному Богу. Онъ меня на вѣки отринулъ, отвѣчаетъ она; да какъ успокоить угрызеніе совѣсти моей, которая меня мучитъ и укоряетъ? Сердце мое точитъ неисчерпаемой источникъ слезъ и грѣхъ мой всегда предо мною. Я прогнѣвала Бога и сдѣлалась безчеловѣчною. Всему роду человѣческому и всѣмъ стихіямъ должно противъ меня вооружиться. Мнѣ самой себя простить и преступленія мои загладить ничемъ неможно.

При сихъ словахъ усугубилась скорбь ея; но я говорила съ нею ласково, представляла, что Богъ милосердъ, и какъ щедрый Отецъ принимаетъ въ объятія свои несчастныхъ чадъ своихъ; что правосудіе его отвращаетъ гнѣвъ, когда видитъ грѣшника, кающагося отъ обличенія совѣсти своей; что милосердіе и щедроты его превосходятъ безприкладно гнѣвъ его, что онъ есть Всемогущій, Вседержавный и Всеблагій.

Я

Я знаю, сударыня, продолжаетъ она, что Богъ полагаетъ въ томъ славу свою, что осыпаетъ смертныхъ неистощимыми благодѣяніями: но какъ бы неисчерпаема ни была бездна щедротъ его, однакожъ есть такія злодѣянія. . . . Какъ бы они велики ни были, однакожъ покаяніемъ очищаются. Ахъ! возможно ли, милостивая государыня моя, чтобъ Богъ простилъ прегрѣшенія злосердой матери: имѣя еще одну дочь, поступала я съ нею наисвирѣйшимъ образомъ и ввергнула жизнь ея въ неописанныя злоключенія. Воспользуясь безумно властію своею, позабыла право естественное, затворила сердце свое, не внимала ни словъ, ни жалобъ ея, смотрѣла равнодушнымъ окомъ на отчаяніе ея, и какъ лютая мачиха не разтворяла ей никогда сердца своего; а она меня любила, не взирая на всю мою суровость.

Тогда не въ силахъ я была слушать болѣе плачевной повѣсти сея; покажи мнѣ, возопила я, дражайшая Софія, несчастную сію женщину; и ежели столь жестокой рокъ угнѣтаетъ мою мать, то

то вкушу я неописанную сладость предавши забвенію, оказанную мнѣ отъ нея суровость! Удовольствуй меня, великодушная Софія! . . .

При сихъ послѣднихъ словахъ пришли сказать общежительницѣ моей, что игуменья ея спрашиваетъ, и что таже незнакомая госпожа, съ которою она говорила, желаетъ съ нею видѣться. Исполня оба сіи требованія, вбѣжала она вдругъ въ келію мою, а за нею вошла и частопоминаемая несчастная госпожа. Я оставляю васъ въ рукахъ дражайшей сестры моей, говоритъ ей Софія, открывайтесь ей во всемъ, она состраждетъ скорби вашей; а я и сама не замедлю возвратиться.

Не опасайтесь ничего, государыня моя, говорила я ей, отпустя Софію: мнѣ чрезмѣрно желается васъ узнать, открыть сердце мое слезамъ вашимъ и усладить горесть васъ снѣдающую. . . . Но что я вижу? это мать моя! Тутъ лишилась я всѣхъ чувствъ, а опамятовавшись увидѣла, что то подлинно

была

была моя мать, руки мои слезами своими обливающая. Тебя ли я вижу, дочь моя, возопила она! Ты прилѣпилась ужѐ къ Богу вѣчно и соединила себя съ нимъ неразрывнымъ союзомъ? Ахъ! я горькая тому причиною! Вотъ, что я надѣлала, такъ матушка, поистиннѣ такъ! Вы ввергнули меня въ сіе несчастное состояніе . . . Пріятельница моя повѣдала мнѣ всѣ ваши несчастія . . . Но въ какомъ вижу я васъ состояніи! ты мнѣ стала теперь еще милѣе . . . О безчеловѣчный братъ!

Потóмъ разсказала она мнѣ всѣ подробности горестнаго своего состоянія прерывающимся отъ рыданія голосомъ. Я безпрестанно повторяла ей, что употреблю всѣ надлежащіе способы къ ея утѣшенію и успокоенію; оставимъ упоминать о злосердомъ братѣ нашемъ, говорила я ей. Да какъ ты можешь любить меня, дражайшая дщерь моя? Твердила она мнѣ ежечасно, я виновница всѣхъ твоихъ несчастій . . . Ахъ, матушка! я готова умереть съ тобою. Какъ тебѣ умереть? ты и безъ смерти мертва.

тва. Матушка! повѣрьте мнѣ . . . И не могла окончить, въ такомъ была душа моя безпорядкѣ, что не можно описать, какое смятеніе разливалось по всѣмъ чувствамъ моимъ, хотѣла помянуть ей о С. Албонѣ; но не имѣла силы: состояніе ея заслуживало сію пощаду, ибо и страданіемъ моимъ, какъ выше упомянуто, она положила начáло. Но когда сдѣлалась я столь счастливою, что могла ей подáть, по силѣ моей, помощь: то непростительно было напоминать ей такое происшествіе, которое унижало ея въ глазахъ моихъ. На что было растворять сердечную ея рану, которая не совсѣмъ еще закрылась? Въ прежнемъ ея состояніи не была бы я столь скромна; но несчастія много владычествуютъ надъ чувствительными сердцами и великой достойны пощады. Я скрѣпила себя даже до того, что отводила мать мою отъ тѣхъ разговоровъ, которые неминуемо довели бы ея до напоминанія о моихъ напастяхъ, объявила ей только, что тетка моя при кончинѣ своей опредѣлила мнѣ нѣкоторой доходъ съ маленькой

ленькой своей отчизны, которымъ можемъ мы продовольствоваться; а къ тому стану я пособлять своимъ рукодѣлiемъ. Потомъ стала ей сказывать, какiя мѣры возьму ко удержанiю ея въ семъ игуменствѣ, и говоря примѣтила я, что вдругъ она поблѣднѣла; голосъ умолкъ, и душа ея съ тѣломъ разставалась. Что тебѣ сдѣлалось, любезная матушка, вскричала я испужавшись? Ахъ! дочь моя, отвѣчала она почти умирающимъ голосомъ, какъ мнѣ утаить отъ тебя, въ какомъ я страданiи? Посмотри, говоритъ, показавъ мнѣ кусокъ гнилаго хлѣба, чѣмъ питаюсь я цѣлую недѣлю: онъ весь облитъ слезами моими, прiятельница твоя видѣла меня ужѐ въ обморокѣ... Голодъ меня одолѣваетъ.

Слова̀ сiи пронзили какъ стрѣла сердце мое! отъ плача и рыданiя ни слова не могла я промолвить: бросилась и принесла, что могла сыскать, пищи ко укрѣпленiю силъ ея. Тогда-то представился душѣ моей весь ужасъ ея состоянiя. Госпожа знатная, а что

еще

еще больше, мать моя съ голоду умираетъ! Какъ не забыть всѣхъ, причиненныхъ мнѣ ею озлобленій, видя ея въ такой ужасной крайности? Она не хотѣла никому открывать имени своего и меня о томъ просила, для того, сказала она, что гордость не теряетъ иногда владычества своего и во уединеніи, въ которомъ живучи надлежитъ уготовлять душу свою во смиреніе, и что тамъ часто проходитъ она въ большую силу, нежели въ мирѣ. Говоря сіе, считала она, что лестна будетъ для меня сія мысль, какъ будто бы стыдилась я быть дочерью несчастной матери.

Никакъ, матушка, возопила я съ восторгомъ: носить имя дочери вашей, будетъ служить мнѣ въ честь. Когда вы несчастны: то тѣмъ сдѣлались большаго почтенія и большей любви достойны; стыдъ да обратится къ тѣмъ подлодушнымъ и безчеловѣчнымъ, которые не могутъ любить и почитать родственниковъ своихъ, въ несчастіе пришедшихъ; бѣдствія угубляютъ священное ваше надо мною право. Въ сію минуту

нупу вошла къ намъ Софія. Ето мать моя, вопіяла я, подбѣжавъ къ ней.. Я обрѣла мать мою .... Ахъ! дражайшая моя, какъ ты увеличила теперь дружбу и благодарность мою къ себѣ! сколь я одолжена тобою, что столько сжалилась ты надъ сею, судьбою гонимою матерью.

Софія остолбенѣла отъ удивленія; потомъ восчувствуя великое отъ происшествія сего удовольствіе, начала обнимать меня, цѣловать руки матери моей, которую повели мы внутрь монастыря; игуменья дазволила ей жить со мною вмѣстѣ. По ночамъ шила я бѣлье и прочее и получаемую за оное плату, прибавляя къ тому доходу, что деревня покойной тетки моей мнѣ приносила, употребляла я на содержаніе матери моей. Ни съ чемъ несравненной сохранять жизнь тѣхъ, отъ коихъ наше бытіе происходитъ! Кажется, что любовь наша къ нимъ тогда умножается, когда стоновимся мы имъ полезными и что въ то время ощущаемъ мы всю пріятность, присоединенную къ имени сына и дочери!

При-

При всякомъ случаѣ, когда взирала я на мать свою, глаза мои наполнялись слезами. Часто вопрошала она меня о причинѣ печали и смущенія моего, которое всегда я скрывать отъ нея старалась; но сердце мое страдало однакожъ отъ сего принужденія, ибо терзалось оно внутреннимъ мученіемъ. Имя С. Албона часто приготовлялось вылетѣть изъ устъ моихъ; приходили такія минуты, въ которыя желала я, чтобъ мать моя проникнула тайну сію. Нѣтъ, почтенная благодѣтельница моя, говорила я иногда Софіи: никакъ не могу я утолить жестокость безплодной любви моей. Присутствіе матери моей, не укрощая волненій моихъ, разжигаетъ сіе пламя, меня снѣдающее. Хотя и ощущаю я великое удовольствіе, что могла ей услужить, и чрезвычайное имѣю желаніе облегчить скорбь ея; но не слышу ничего о С. Албонѣ, каковъ былъ его конецъ? упомянулъ ли онъ имя мое испуская духъ? Онъ не могъ снесть разлученія со мною, отъ того конечно умеръ. Любовь есть сильная и непреодолимая страсть, ежели покоритъ кого своему владычеству.

Констанція, отвѣчала мнѣ почтенная пріятельница моя, повѣрь мнѣ что не упуская ниоднаго я случая, гдѣ бы могла оказать тебѣ знакъ дружбы моей; и по сему положенію можно ли требовать, чтобъ я ласкала и питала слабости твои? Напротивъ того, истинная дружба заставляетъ меня вооружать тебя противъ самой себя. Я люблю тебя, Констанція, не сомнѣвайся о томъ, но честь твоя мнѣ дороже жизни твоей; и сіе изъясненіе должна ты почитать знакомъ чрезмѣрной къ тебѣ моей горячности. Разговаривая съ матерью твоею могла бы я коснуться и до имени С. Албона; но я и помыслить о томъ не хотѣла, стараясь болѣе всего о томъ, что всѣ тебя почитали, чтобы и мать твоя считала тебя тверже и мужественнѣе, нежели ты въ самомъ дѣлѣ есть. Ахъ! любезная Констанція, помысли какъ ты Бога прогнѣвляешь! вспомни, что сердце твое должно быть одною божественною только любовію напоено. Знаю всѣ мои должности, отвѣчала я: вижу беззаконія мои; но сердечныя движенія не даютъ мнѣ покоя. Они не столь мило-

милосерды какъ ты, и сколько ни стараюсь преодолѣть себя, но уязвленное мое сердце не исцѣляется. И въ самомъ дѣлѣ, не взирая на увѣщанія Софіины, забывъ Бога, и противъ воли моей чуть было не открылась безплодная и беззаконная моя страсть. Я не скрывала ужѐ отъ матери моей, сколь страждетъ душа моя; хотѣла повѣдать ей тайну се́рдца моего и говорить о С. Албонѣ.

Печаль и горести столько подѣйствовали надъ здоровьемъ ея, что оно часъ отъ часу въ большую слабость приходило. Ни совершенное ея власти Всевышняго повиновеніе, ни всѣ мои старанія, не могли избавить его отъ унынія, которое чувствительно дни ея сокращало. Занемогла она, и чрезъ нѣсколько дней жизнь ея стала въ опасности; никогда не видала я ея столь достойною горячности моей. Бросалась къ Софіи, сказывала ей, въ какомъ я страхѣ и безпокойствѣ: потомъ обращалась къ ней паки, подавая всякую помощъ и утѣшеніе, имѣя и сама великую въ ономъ нужду. Дочь моя, говоритъ она

мнѣ, будучи одна со мною: прежде снитія моего во гробъ, хочу я объявить тебѣ нѣкую тайну, которая какъ тяжкое бремя угнѣтаетъ сердце мое. Первыя сіи слова раздражили любопытство мое: я чувствую ужѐ, дочь моя, продолжаетъ она, что приближаюсь къ той страшной минутѣ, которая на вѣки насъ разлучитъ. Не тебѣ по мнѣ плакать и рваться; но я испускаю духъ свой съ угрызеніемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ. Какой дамъ я отвѣтъ Всевысочайшему совѣстей нашихъ Обличителю? Смерть моя да утолитъ гнѣвъ его, которой сама я на себя подвигнула! и должна признаться, любезная Констанція, что я была самая свирѣпѣйшая и безчеловѣчнѣйшая мать, и что я дѣлалась виною всѣхъ твоихъ бѣдствій. Оставьте упоминать о моихъ несчастіяхъ, матушка сударыня, станемъ говорить о васъ, о здравіи вашемъ: вотъ о чемъ я только помышляю и въ лишеніи васъ полагаю. главное мое несчастіе. Ты еще не знаешъ, Констанція, всѣхъ моихъ злодѣяній, отвѣчаетъ она оперщись объ руку мою: я поняла

при-

причину снѣдающей тебя горести. Любовь, дочь моя, любовь скрывается еще вѣ сердцѣ твоемѣ! Тогда, горько возрыдавѣ, упала я кѣ ней на́-груди. Я знаю, продолжаетѣ она паки, что плачь сей и рыданіе происходитѣ отѣ напоминанія о С. Албонѣ, и для того желается мнѣ при смерти моей имѣть то утѣшеніе, чтобѣ хотя мало усладить горести твои; будетѣ ли такѣ, когда скажу тебѣ, что С. Албонѣ еще не умерѣ. Ахѣ, что я слышу, вскричала я! Онѣ живѣ еще, вся душа моя вылетѣла на сіе слово. Такѣ подлинно, повторила мать моя, и сѣ симѣ словомѣ пришла на нея такая слабость, что сколько ни силилась, ни сло́ва болѣе выговорить не могла, рукою только подавала мнѣ знаки, которыхѣ понять я не умѣла. Наконецѣ, любезная пріятельница моя, небо, непрестающее искушать чувствительности моей, лишило меня матери моей. Вѣ моихѣ объятіяхѣ испустила она духѣ свой, нѣсколько минутѣ спустя, Софія застала меня поверженную безѣ чувства и движенія. Опамятовшись возопила я:

мать моя скончалась! С. Албонъ еще живъ и болѣе сего, въ жестокомъ состоянiи моемъ, ничего выговорить не могла.

Долгое время послѣ сего происшествiя была я въ такомъ положенiи, котораго никакъ описать не возможно. Казалось, что въ сiе время претерпѣла я всѣ удары, на меня стремившiеся. Я и сама воображала, что испытала ужѐ все то, что злосчастная судьба моя мнѣ опредѣлила: но нѣтъ! рокъ представилъ мнѣ еще бóльшiя бѣдствiя.

Образъ С. Албона и матери моей представлялся ежеминутно уму моему и къ стыду моему должна я признаться, что первой изъ сихъ предметовъ терзалъ особливо мою душу. Слéзы мои проливались прежде о немъ; а потóмъ о матери моей; многоразличныя чувства волновали мою душу. С. Албонъ не умеръ! говорила я, онъ живъ еще! Для чего же я о немъ плáчу? Всѣ бѣдствiя мои скончались, когда С. Албонъ на свѣтѣ, что мнѣ до того, что хотя

и скоро лишусь его на вѣки; но хотѣлось бы мнѣ однакожъ, чтобъ онъ зналъ, какъ люблю я его, и что для него умираю! Да когда онъ живъ, продолжала я потомъ: то для чего же не освѣдомляется онъ, жива ли я еще? Можетъ статься онъ и забылъ меня. Къ чему же я крушусь и страдаю? Въ сихъ мысляхъ зачала я чувствовать всю жестокость ревности. Онъ конечно любитъ другую, вопіяла я: другая конечно сдѣлалась супругою, или любовницею его. Сія мысль разрывала сердце мое и всегда уму моему представлялась. Иногда думала я, не лучше ли бы любила я его между мертвыми? Въ память его проливаемыя слёзы, имѣли нѣкоторую пріятность несравненно съ тѣми, кои воображеніе невѣрности его изъ глазъ моихъ исторгало; ибо тщетно старалась избавиться сего подозрѣнія; и ежели сердце мое не совсѣмъ оному предавалось, но уму моему однакожъ представлялся онъ всегда меня измѣнившимъ. Самое пріятное воображеніе, которое почитала я мечтою, горесть мою нѣсколько услаждающею, было то,

что не извѣстенъ онъ о состоянiи моемъ. Скоро потомъ бросила я всѣ сiи горестныя мысли Пускай онъ живетъ! говорила я, пускай будетъ счастливъ! я тѣмъ буду довольна. Прилично ли мнѣ такъ сокрушаеться? Боже мой, Боже! по что ты предаешь такимъ волненiямъ душу, тебя единаго любящую?

Злая моя судьба не могла надо мною умилосердиться; пламень ревности возжегъ сердце мое; сiя немилосердая фурiя слѣдовала вездѣ за мною, провождала и къ олтарю и тамъ отъ меня не отступала; тщетно просила я о ниспосланiи мнѣ способа ко истребленiю сего яда. Софiя при всемъ своемъ благоговѣнiи сожалѣла о мнѣ и напоминала должность мою, иногда говорила со мною ласково по дружбѣ, иногда угрожала закономъ, представляла Бога милосердымъ и въ милости неистощимымъ, которой однакожъ, прощая грѣшникамъ согрѣшенiя ихъ, бываетъ неукротимъ во гнѣвѣ, когда увидитъ, что милость его не обращаетъ несчастныхъ преступниковъ на путь истинный.

Въ игуменствѣ нашемъ пронесся слухъ о нѣкоемъ монахѣ, пришедшемъ въ великую славу отъ того, что многихъ заблуждшихъ обратилъ на путь спасенія: чего ради и приняла я намѣреніе увидѣть его и просить помощи противъ бѣдственной моей страсти, которую и долговременность исцѣлить не могла. Софія похвалила предпріятіе сіе и писала къ сему старцу; на что отвѣчалъ онъ, что немедленно къ намъ будетъ. Ахъ! дражайшая пріятельница, говорила я благодѣтельницѣ моей: какъ не терпѣливо желается мнѣ видѣть почтеннаго сего мужа; ему конечно отъ Бога опредѣлено положить конецъ мученіямъ моимъ; я все ему скажу, любезная Софія, во всемъ покаюсь. Онъ увидитъ сердце мое, узнаетъ всѣ мои раны и пожалѣетъ меня: да и кто же въ свѣтѣ достоинъ столько сожалѣнія, какъ я? Что воздамъ я Богу, ежели призоветъ онъ меня ко исполненію святаго его закона: водворитъ спокойствіе въ душѣ моей, умертвитъ злые помыслы мои, источники всѣхъ скорьбей и слабостей моихъ.

Прі-

Пріѣхалъ сей старецъ, именемъ Ѳеодосій: опустя покрывало, пошла я трепещущими стопами за Софіею въ притворъ. Вотъ, честный отецъ, говоритъ она, несчастная сестра моя, для которой требовала я вашей помощи, въ коей необходимую имѣетъ она нужду и достойна вашихъ совѣтовъ. Совѣты мои, отвѣчаетъ Ѳеодосій, будутъ искренны; я желаю, чтобъ возъимѣли они счастливое окончаніе; въ томъ смѣю я увѣрить васъ, что истинна будетъ имъ основаніемъ, а къ тому можно присоединить и доводы самымъ опытомъ подтверждаемые. Голосъ старца сего произвелъ въ душѣ моей великое смятеніе, которому не могла я понять причины. По выходѣ Софіи, посадилъ онъ меня не далеко отъ себя. Послѣ нѣкоторыхъ минутъ молчанія, начала я со слезами говорить: слёзы сіи, всечестный отче мои, не столько происходятъ отъ покаянія, какъ отъ нѣкоего помысла, состоянію моему неприличнаго, въ томъ каюсь я всегда предъ Богомъ; но слабо покаяніе мое, вамъ намѣрена я открыть всѣ согрѣшенія мои, показать начало,

стремленіе и силу ихъ, удостой наставить меня, чѣмъ ихъ побѣдить. Вы видите предъ собою, владыко мой, несчастную и виновную женщину недостойную носить священный сей поясъ, воюющую противъ разума, чести и противъ самого Бога: злая и богопротивная любовь меня мучитъ.. Вы любите, вскричалъ вдругъ Ѳеодосій, и помолчавъ нѣсколько минутъ, поступокъ вашъ, сестра моя, говоритъ онъ, не простителенъ, я достоинъ сожалѣнія! Любовь есть самобѣдственная страсть, и онато приводитъ насъ въ величайшія заблужденія; должность моя не дозволяетъ мнѣ о томъ предъ вами умолчать: страсть сія столь богопротивна, что весь небесный гнѣвъ на васъ подвигнетъ; одинъ Богъ долженъ быть предметомъ мыслей вашихъ. Вотъ единственный супругъ вашъ! Не ослѣпляйся, сестра моя, онъ жестоко таковыхъ преступниковъ наказываетъ; и ежели оставя путь истинный, повинуетесь вы разуму человѣческому, въ знаніяхъ своихъ весьма ограниченному, то спрошу я у васъ, чего вы отъ бѣдственной страсти своей

ей

ей ожидаете? Я надѣюсь, всечестный отецъ, умереть разтерзавъ сердце мое, въ горестяхъ, въ угрызенiи совѣсти, несносною самой себѣ, и боясь возвести очи мои на раздраженную высоту небесную... Ахъ! отецъ мой, обрати меня къ Богу! сердце мое къ нему готово, но силы слабы, отврати мысли мои отъ вѣка сего прелестнаго, въ коемъ постигли меня неисчетныя бѣдствiя! Я усердно желаю, сестра моя, укротить стремленiе пагубной страсти вашей; отнять мракъ отъ очей вашихъ; показать вамъ истинну и какая ўчасть ужасная васъ ожидаетъ. Несчастливъ тотъ человѣкъ, которой противъ собственнаго сéрдца своего вооружиться не можетъ! Все сiе испыталъ я ужè самъ собою. При сихъ словахъ воздыхаетъ тяжко Θеодосiй и продолжаетъ.

Дозволь, сестра моя, повѣдать мнѣ всѣ обстоятельства жизни вашей, какимъ образомъ овладѣла вами жестокая сiя страсть. Страсть сiя, честный отецъ, родилась почти вмѣстѣ со мною; я любила нѣкоего молодаго человѣка

ловѣка, которой и съ своей стороны, имѣя такую же ко мнѣ горячность, искалъ на мнѣ жениться; родители наши были въ томъ съ начала согласны, но потомъ мать моя стала сочетанію нашему противиться, сказала мнѣ, что любовникъ мой умеръ, почему и сочла я, что лишась его, лишилась и всего на свѣтѣ, оставила міръ, соединилась съ Богомъ священными узами, великія рѣки слезъ изъ очей моихъ извлекшими, а потомъ извѣстилась я, что предметъ вѣчной любви моей и прегрѣшеній моихъ еще живъ.

Между тѣмъ поняла я изъ голоса Ѳеодосіева, что не безъ смущенія выслушалъ онъ послѣдния сіи слова. Сестра моя, говоритъ онъ мнѣ открывающимъ состояніе его голосомъ: я знаю человѣка, которой претерпѣлъ подобныя несчастія; такъ по истиннѣ: и гонимъ будучи жестокостію рока своего, лишась всего того, что его къ міру прилѣпляло, кинулся въ объятія всевысочайшаго Утѣшителя, пролилъ т пылыя предъ нимъ слёзы, истребилъ изъ

 памяти

памяти своей все то, что обращало его на прежнюю мысль и въ семъ случаѣ ожидаетъ помощи небесной, которая всегда съ вѣрою просящимъ низпосылается. Повѣрь мнѣ, сестра моя, что все въ свѣтѣ перемѣняется, все прiемлетъ иной видъ, все около насъ умираетъ, ничто навсегда въ своемъ состоянiи не остается; но когда мы устремляя мысли наши къ Богу, съ нимъ соединяемся, то предчувствуемъ уже сладость безконечныя жизни. Ахъ! сестра моя. . . Но ты плачешь, къ чему это? . . . . Какъ мнѣ не плакать, честный отецъ, вы напоминаете мнѣ . . . Ахъ! да и сами плачете . . . вооружимся оба крѣпостiю, сестра моя, мнѣ самому много потребно подкрѣпленiя, когда показываю тебѣ путь спасенiя, котораго никогда оставлять ты не должна. Разорви оковы твои, укроти волнованiе сердца твоего, отврати очи твои отъ вѣка сего прелестнаго, въ которомъ все проходитъ и все исчезаетъ; устреми взоръ свой на предстоящую вѣчность, всѣ прочiе предметы помращающую, вспомни, что житiю наше-

нашему предѣлъ положенъ и что умирая возраждаемся мы къ жизни нескончаемой, или къ мукамъ безконечнымъ. воображай себя всегда поверженною на смертномъ одрѣ, возводящею слабый взоръ свой на возженныя свящи и погребательное покрывало. Тогда-то возжаждемъ мы божественною любовію. Тогда восплачемъ и возрыдаемъ, что не одного Бога любили: что же мнѣ дѣлать, честный отецъ, научите меня, прикажите. Вотъ что, продолжаетъ Ѳеодосій: истреблять изъ мысли своей все то, что хотя слабо напоминать тебѣ будетъ сію богопротивную любовь, и предать все прошедшее забвенію, положиться на волю Всевышняго, и жить единственно для него.

Слова сіи слышала я съ великимъ примѣчаніемъ, рѣчь его проникала какъ огонь сердце мое. Буду тебѣ послушна, всечестный отецъ, вскричала я, разорву сердце свое, отдамъ въ руки ваши залогъ горячности моей, дѣло любви и рукъ моихъ, котораго подлинникъ твердо начертанъ на сердцѣ моемъ. Вотъ

несча-

несчастный сей портретъ, котораго досель никто у меня не видалъ, которой многажды орошаемъ былъ моими слезами, ему приносила я воздыханія и стенанія мои, въ немъ была вся моя утѣха: но теперь жертвую я всѣмъ Богу, ему вручаю и жизнь мою.

Потомъ вынявъ портретъ С. Албона, отдала я сему старцу. Принявъ его Ѳеодосій, закричалъ, и въ тожъ время упалъ на землю. Услыша паденіе сіе, подняла я покрывало свое и увидѣла его повержена безъ чувства и дыханія: бросилась къ нему на помощь; но что я увидѣла? С. Албона самого, которой дрожащею рукою держалъ еще портретъ свой.

Дозволь мнѣ, любезная дочь моя, остановиться при семъ жестокомъ для меня состояніи. Душа моя ощущаетъ его и нынѣ.

Не имѣя силы ни слова выговорить, упала я и сама въ обморокъ и опамятовавшись узрѣла С. Албона у ногъ моихъ.

ихъ. Ето ты, вопіялъ онъ! Ето ты, дражайшая Констанція, ты жива еще! Воззри на самонѣжнѣйшаго, вѣрнѣйшаго и несчастнѣйшаго любовника твоего: я не преставалъ никогда обожать тебя. Но въ какомъ состояніи нахожу я тебя посвятившую себя олтарю! Ни какъ! я разорву всѣ сіи узы! Ахъ, что ты говоришь С. Албонъ! какъ велико твое заблужденіе; хотя я и жива, но тысячу разъ хочу лучше умереть, нежели быть твоею . . . . Я теперь ужѐ принадлежу Богу, мы раздражаемъ его. Ахъ! такой ли я помощи ожидала?

С. Албонъ исполненъ гнѣва, рыдалъ и жаловался на тѣхъ, кто привелъ меня въ сіе состояніе, вся буря страстей его одолѣвала; я раздѣляла съ нимъ сердечныя его волнованія, говорила съ нимъ о любви, о должности моей, винила и небо и землю, душа моя занята была различными движеніями; законъ уступалъ мѣсто любви, за раскаяніемъ слѣдовали вновь приступленія клятвы моей. Я разсказала ему все,

что претерпѣла по разлученіи нашемъ; что получила отъ неизвѣстной руки письмо, коимъ увѣдомляли меня, что онъ женился, что мать моя сказала мнѣ потомъ, что онъ умеръ; и что напослѣдокъ объявила за нѣсколько минутъ до смерти своей, что всѣ сіи извѣстія ложны, и что онъ еще живъ. С. Албонъ сказалъ съ своей стороны; что и его уловила сею же хитростію; мать моя разгласила, что я умерла. Сраженъ будучи нечаяннымъ симъ урономъ и поверженъ въ прежесточайшую горесть, принялъ онъ намѣреніе оставить свѣтъ и посвятить себя монашескому образу; ибо кромѣ Бога нѣкому было занять въ сердцѣ его того мѣста, которое память моя ему оставила. Онъ признавался мнѣ, что ошибкою ту чувствительность, которая его безпрестанно трогала, почелъ онъ чистѣйшими чувствованіями закона; ибо и въ семъ состояніи не могъ никогда меня забыть. Любовь ни на минуту изъ сердца его не выходила, образъ мой ежечасно уму его твердился, душа его воспламенилась опять прежнею страстію.

стію. Нашедъ меня, укорялъ безчестной поступокъ, коимъ обѣихъ насъ обманули и говорилъ, что оковы наши сложить съ себя можемъ. Разсуди, любезная дочь моя, какъ сильно ослѣпленіе человѣческое: онъ хотѣлъ увезти меня въ Голландію, или хотя на край свѣта. Когда то надобно; всѣ мѣста, продолжалъ онъ, для меня равны, лишь бы только можно мнѣ было жить съ тою, которая владѣетъ и владѣла сердцемъ и душею моею. Ты будешь украшеніемъ и самымъ дикимъ мѣстамъ; во всей вселенной никого кромѣ тебя я не зрѣлъ, въ тебѣ одной будетъ счастіе мое и вѣчная утѣха; добродѣтель отъ любви нашей будетъ не отступна. Богъ насъ создалъ одного для другаго, ты будешь и дражайшая супруга и пріятельница моя, никакъ не думаю я, что Всевысочайшій Творецъ и Благодѣтель нашъ, почелъ сочетаніе наше за преступленіе. Онъ не отринетъ моленія нашего, не бойся, Констанція, чтобъ пришли мы въ бѣдность. Люби меня, только я буду всему съ радостію покоренъ; ежели ты только на свѣтѣ, и

 ежели

ежели я тебѣ милъ, то нѣтъ для меня никакого тяжкаго и подлаго состоянія. На все итти готовъ, отверзу земныя нѣдра, орошу ихъ потомъ лица моего и слезами моими, въ томъ стыда мнѣ никакого не будетъ: да увѣдаетъ свѣтъ, что я готовъ все дѣлать и все терпѣть ради возлюбленной моей Констанціи.

Я хотѣла одолѣть слабость мою и представляла С. Албону, что честь и должность моя; а болѣе всего законъ не дозволяютъ мнѣ слѣдовать его совѣту. По етому не любишь ты уже меня, продолжаетъ онъ, когда не хочешь меня слушать; я бросаюсь къ ногамъ твоимъ, взирай на отчаяніе мое, любовь моя ему уподобляется: не знаю до чего я дойду, ежели не возмогу тебя тронуть. Какое же твое намѣреніе, скажи мнѣ?

Не могла я еще на требованіе его согласиться; однакожъ попросила нѣсколько дней на размышленіе. Сего же вечера, отвѣчаетъ онъ, въ полночь будешь

будешь ты свобождена сего мѣста, или сердце мое пронзенно неисчетными ударами; а ты сама, которую единственно я обожаю, будешь смерти моей причиною, ежели не склонишся на прозьбу мою. Тѣло мое принесутъ къ ногамъ твоимъ и сколь ты ни безчеловѣчна, однакожъ печильное сїе зрѣлище приведетъ тебя въ слёзы. Что ты это говоришь С. Албонъ? То что я намѣренъ сдѣлать, продолжаетъ онъ: злая судьба доведетъ меня до того, ежели ты хотя минуту промедлишь.

Предавшись различнымъ волнованїямъ, не зная кого слушать, Бога или человѣка? и уступя наконецъ вѣчно мучащей меня любви, дала я слово С. Албону и на все согласилась. Въ тотъ вечеръ должно было мнѣ итти тайнымъ ходомъ къ подземельной церквѣ, гдѣ С. Албонъ условился меня дожидаться; и такъ оставляя монастырь, забывала я и честь свою и законъ, всѣ обязательства мои разрушались: вотъ до чего довела меня страсть моя!

ВЪ какомЪ состоянiи проводила я день сей! Какими волнованiями обуревалась душа моя! Софiя примѣтила смущенiе мое. Оно не могло отЪ нея утаиться: всѣ поступки мои мнѣ измѣняли и открывали состоянiе мое. Почтенная сiя прiятельница спросила меня о причинѣ сего чрезъестественнаго движенiя; но какЪ мнѣ было ей объявить богопротивное мое предпрiятiе? да и сама она не могла подумать, чтобЪ Өеодосiй, коего просвѣщенiе и усердiе кЪ закону столь много она мнѣ выхваляла, былЪ виною ужаснаго сего безпорядка. Я считала и часы и минуту; сЪ нетерпѣливостiю ждала назначеннаго времени, боясь его какЪ самой смерти; хотѣла открыться Софiи, но скоро потомЪ отмѣняла сiе намѣренiе, кЪ которой сторонѣ пристать, не знала. СЪ одной законЪ отворялЪ мнѣ объятiя свои, стеная какЪ чадолюбивая мать о сынѣ своемЪ, хотящемЪ ея оставить; видѣла Бога, подъемлющаго огненную стрѣлу на пораженiе меня; сЪ другой же стороны воображалось мнѣ окровавленное и безЪ дыханiя

предо

предо мною поверенное тѣло С. Албоново, разорванное и трепещущее его сердце укоряющее жестокость мою: вотъ сердце тебя любящее, вѣщало оно мнѣ, ты сама лишила его жизни.

Судьба уже мнѣ опредѣлила поступать на всѣ злодѣянія и всякія терпѣть несчастія отъ любви. Пробило десять часовъ и все уже въ монастырѣ затихло. Идучи мимо кельи, гдѣ жила Софія, остановилась я у дверей, представляя себя, что обманула сію всякаго почтенія достойною пріятельницу, коея дружба ко мнѣ столь была безпорочна и которая всѣми силами старалась привесть меня на путь добродѣтели, которой теперь совсѣмъ я оставляю. Ты спишь Софія! говорила я себѣ; а злодѣйство не знаетъ покоя.

И такъ дошла я до помянутой подземельной церкви, гдѣ С. Албонъ по условію со мною долженъ былъ меня дожидаться; въ иномъ случаѣ обмерла бы я отъ ужаса, ибо въ семъ мѣстѣ погребалась древнѣйшая въ Бретаніи фамилія * * *; гробы ихъ погнили и разрушились

отъ

отъ долговременности, надъ коими востревоженная мысль моя представляла мнѣ сидящую смерть: чѣмъ далѣе шла я въ подземельное сїе жилище, тѣмъ болѣе страхъ одолѣвалъ дерскую мою любовь. Казалось, что земля стонетъ и разверзается подъ ногами моими; гробницы сїи открываются, камни на могилахъ лежащїе валятся и погребенные въ нихъ мертвецы, оставя въ гробахъ одежды свои, востаютъ, и главами своими досязаютъ до свода, церковь сїю покрывающаго. Казалось, что идутъ они ко мнѣ, хватаютъ меня и унылымъ гласомъ укоряя богомерской мой поступокъ, тащатъ за собою въ могилу; со всѣхъ сторонъ твердился мнѣ страшной звукъ. Несчастная! ты теряешь плоды десятилѣтнихъ трудовъ твоихъ, забываешь добродѣтель, съ которою такъ долговременно обращалась, стыдъ и срамота тебя покроетъ! Умрешь отъ бѣдности и отчаянїя; тогда-то станешь взывать къ Богу, котораго теперь расдражаешь: но невнятно будетъ моленїе твое, ничѣмъ ужѐ его не умилостивишь; онъ покараетъ тебя лютою

казнію и наказанія его безконечны. Я отвѣчала въ сердцѣ своемъ, что не произвольно обязались мы священными узами: ненавистники наши, возпользуясь легкомысліемъ нашимъ, привели насъ къ тому обманомъ. Соединеніе душъ нашихъ было прежде вступленія въ монашеское званіе, а когда я нахожу перваго своего супруга ..... Какой онъ тебѣ супругъ! продолжалъ страшный сей голосъ, которой неотступно за мною слѣдовалъ, а не клялась ли ты, что предаешся вѣчно Богу, которой всѣ узы разрушаетъ. Когда ужѐ кто съ нимъ соединится, какъ можно сравнить не токмо одного человѣка, но и всю вселенною съ Богомъ? Голосу сему противилось одно то только воображеніе, что С. Албонъ лишитъ себя жизни, и я его на вѣки потеряю, ежели не пойду за нимъ.

Ходя долго по сему подземелью утомилась я; иногда положа голову свою на гробницу, приходила въ раскаяніе и ставъ спѣшила къ той лѣстницѣ, по которой сошла изъ монастыря; но

но подходя обращалась къ тому выходу, чрезъ которой С Албону войти ко мнѣ надлежало; подходила потомъ опять къ гробницамъ безпамятствовала, цепенѣла, бросалась на колѣни, просила помощи небесной. Въ самую полночь почувствовала я, что нѣкто схватилъ меня за-руку. Ты ли ето С. Албонъ? спросила я. Что тебѣ надобно? Отвѣчаетъ мнѣ Софія, ухватя меня, за чѣмъ ты зашла въ такое отдаленное мѣсто, сестра моя, да и въ такое время? Я была намѣрена обмануть тебя убѣжать отъ васъ, и перемѣня состояніе мое; слѣдовать за С. Албономъ, котораго небо мнѣ возвратило и умереть съ нимъ вмѣстѣ.

Горестію и угрызеніями обремененная душа моя разлилась въ грудь Софіину, задыхаясь отъ рыданія, повѣдала я ей предпріятіе мое, въ какомъ была размышленіи и въ какомъ отчаяніи. Въ самомъ дѣлѣ, говорила я ей, видѣла я С. Албона и его ради ввергнула себя во всѣ злодѣянія. Богъ не можетъ уже меня простить; бѣги отъ

меня,

меня, великодушная Софія, оставь несчастнаго человѣка, стремящагося на погибель и посрамленіе. Ты не претерпишь никакого посрамленіе, отвѣчаетъ добродѣтельная Софія твердымъ голосомъ: я знаю, что заблужденіе хотя и дѣйствуетъ надъ тобою, однакожъ честь и законъ предстанутъ уму твоему и обратятъ тебя къ должности и званія твоего; поди за мною! какъ: мнѣ итти за тобою! знаешь ли, что С. Албонъ поразитъ себа въ сей же часъ, ежели не возможетъ увезти съ собою, а я люблю его болѣе своей жизни. Оставъ, дражайшая Констанція недостойный сей помыслъ, не покрывай себя вѣчнымъ стыдомъ и посмѣяніемъ, но дай мнѣ увидѣть С. Албона, промолвить съ нимъ хотя одно слово. Я увижу его и поговорю съ нимъ, повѣрь, что останется онъ живъ, пойдемъ, любезная сестра моя, берегись, чтобъ не узнали о твоемъ побѣгѣ. Хотя ты и скрывала отъ меня причину смущенія твоего, но мнѣ не льзя было не догадаться, что нѣчто новое тебя обременяетъ; по дружбѣ моей возъимѣла я объ умыслѣ твоемъ

подо-

подозрѣніе, бросясь въ келью твою и не найдя тебя искала по всѣмъ мѣстамъ и наконецъ пришла сюда. Подай мнѣ руку, выдемъ поскорѣе отсюда.

Не могла я уже болѣе противиться воли ея, останавливаясь ежеминутно; куда ты ведешь меня, вопіяла я пріятельницѣ моей? Дозволь посмотрѣть только на него, промолвить съ нимъ хотя одно слово. Не льзя етому быть, ... перестань противиться дружбѣ моей, Богу, взывающему тебя устами моими въ объятія свои. Я уже сказала тебѣ, сестра моя, что сама съ нимъ увижусь, и буду стараться обратить его ко званію его, на путь истинны къ Богу, котораго онъ измѣняетъ; и ежели укротитъ онъ волнованіе страсти своей, то достойнъ будетъ любви твоей; но люби добродѣтель его, честь его, почитай вѣчность ожидающихъ его благъ и послѣдуй его примѣру; столь знаменитая побѣда возведетъ васъ обѣихъ къ небу, котораго человѣку иначе достичь не можно, какъ извлеченіемъ всѣхъ житейскихъ при-

стра-

страстїи и попеченiи. Пойдемъ поскорѣе.

Казалось и вЪ самомЪ дѣлѣ, что самЪ Богъ открывалЪ мнѣ святую волю свою устами Софїиными. Полумертвую почти и утопающую вЪ слезахЪ повлекла она меня за собою. Не милосердая благодѣтельница, вопїяла я ей! мнѣ ужѐ сЪ нимЪ болѣе не видаться! ты сражаешь насЪ обѣихЪ однимЪ ударомЪ. Я люблю тебя болѣе себя, отвѣчала Софїя; но слава и честь твоя дороже мнѣ жизни твоей; лучше бы увидѣла я тебя мертвую, нежели живущую вЪ злодѣянiи. Да дозволишь ли мнѣ хотя письмо кЪ нему написать, не лишишь ли и сего послѣдняго утѣшенiя? Я напишу кЪ нему посьмо, вЪ которомЪ вся душа моя ему откроется. Ты должна предписать ему, продолжаетЪ великодушная Софїя, чѣмЪ онЪ тебѣ и себѣ долженЪ: воспользуясь властїю, которую ты надЪ сердцемЪ его имѣешь; обрати его кЪ Богу, Владыкѣ и Судїи вашему; запрети ему кЪ себѣ являться и истребляй образЪ его изЪ ума и души твоей. По-

 бѣда

бѣда сія велика и многаго стоитъ; но я отъ пріятельницы моей безъ сомнѣнія сего ожидаю, продолжаетъ Софія обнимая меня: вѣрь, дражайшая моя, что состояніе твое мнѣ очень чувствительно, страданія твои такъ меня оскорбляютъ, что я сама чуть жива: но разсуди сама, къ какому страшному и ужасному поступку приводила тебя безразсудная страсть твоя! Я увижусь съ С. Албономъ и буду съ нимъ говорить, отдамъ ему письмо твое, разскажу болѣзнь и сокрушеніе твое; онъ послушаетъ меня, сжалится надъ состояніемъ твоимъ; онъ тебя любитъ и не захочетъ видѣть тебя въ посрамленіи; изволь, свышедарованная мнѣ пріятельница, изволь божественная благодѣтельница, повелѣвать сердцу моему, разорви его, вселися въ него, обрати его къ Богу и къ святыхъ его заповѣдямъ. Я напишу къ С. Албону, увѣрь его ты о любви моей, что я его обожаю.... Нѣтъ! скажи ему, что я умираю отъ раскаянія, что его хотѣла послушать, вели ему подражать мнѣ и не прогнѣвлять великаго Бога. Скажи

жи мнѣ Софія, какъ зачать къ нему писать? буду ли въ силахъ сказать ему, что не должна его любить?

Содержаніе письма моего было слѣдующее:

„Что ты думаешь обо мнѣ, С. Ал-„бонъ? Вмѣсто того, чтобъ слѣдуя „бѣдственной моей страсти, по усло-„вію нашему видѣться съ тобою, объ-„являю я тебѣ, что честь и законъ „одержали верьхъ надо мною и сіе пись-„мо получишь ты отъ меня въ послѣ-„дній разъ. Я приближилась ужѐ къ ро-„ву погибели; но ужаснувшись увидѣ-„ла, что и тебя влекла за собою, что „мы хотѣхи дѣлать? Ввергнуть себя „во всѣ злоключенія въ самонужнѣй-„шую и бѣднѣйшую жизнь. Слѣдствія „безбожнаго нашего поступка: умереть „отъ стыда и горести, или во отда-„леніи отъ отечества нашего прово-„ждать остатокъ дней нашихъ въ бо-„лѣзняхъ и скорбяхъ въ презрѣніи всѣхъ „честныхъ людей и въ безплодномъ у-„грызеніи совѣсти нашей; забыть на-„конецъ любовь нашу, ибо тутъ лю-

„ бовь обитать не можетъ, гдѣ нѣтъ
„ почтенія, а почитать намъ другъ дру-
„ га, какъ можно было бы разорвавъ свя-
„ щенные наши узы? Позабудемъ наше
„ свиданіе; умремъ, ежели надобно, оба
„ предъ олтаремъ: но смиримъ себя пре-
„ жде, единъ Богъ да владычесвуетъ надъ
„ душами нашими; должно уступить со-
„ пернику сему, С. Албонъ, да будетъ онъ
„ совершенной нашъ побѣдитель! да бу-
„ детъ образъ твой! .... О небо! что я
„ говорю? Мнѣ и вспоминать о тебѣ не
„ должно .... довольное время уто-
„ пала я во грѣхѣ? Послѣдуй мнѣ, ког-
„ да я уже прежде на истинной путь об-
„ ратилась, вспомни только колико бѣд-
„ ствія я тебѣ причинила, или лучше не
„ воображая прошедшаго, будь твердъ и
„ не поколебимъ въ званіи своемъ; пред-
„ ставляй во мнѣ несчастнаго и презрѣ-
„ нія достойнаго человѣка, коего зло-
„ дѣяніямъ недолженъ ты быть соуча-
„ стникомъ. Я потушу слезами пожига-
„ ющей меня пламень, не дамъ ему вновь
„ отрождаться. Но ахъ! что я говорю?
„ Не примѣчай сколь душа моя смущен-
„ на, не воображай себя слезъ орошающихъ

„ пись-

„письмо сїе, ежели я тебѢ мила . . . Но „какое слово вылетѢло изЪ устЪ моихЪ! Вспомни, что жизнь твоя сЪ моею сплетена; ежели ты на нея покусишся, то пронзишь мое сердце. Живи мой свѢтЪ, сожалѢй и плачь обо мнѢ . . . НѢтЪ, С. АлбонЪ; живи для того, чтобЪ вЪ жизни меня позабыть могЪ. Мы ужѐ болѢе не увидимся. Прощай! . . . . прощай, любезный другЪ, „на вѢки! АхЪ! жестокая должность! „Несчастная! ты не можешь перестать „досаждать небу! С. АлбонЪ . . . болѢе „всего сохраняй жизнь свою.

ХотѢла было я и больше писать, но задохлась отЪ рыданїя, и какЪ можно было описать перомЪ всѢ движенїя се́рдца моего, вЪ то время меня волновавшїя? Софїя схватила письмо сїе. Постой, говорила я ей: дай мнѢ изЪяснить совершенное душевное мое положенїе и описать горесть мою! . . . . Да, нѢтЪ! допусти мемя неотмѢнно сЪ нимЪ видѢться и поговорить сЪ нимЪ: сама ты будь, Софїя, при нашемЪ свиданїи; вспомни, что это будетЪ вЪ послѢд-

слѣдній разъ! . . . Нѣтъ, отвѣчаетъ пріятельница моя, не льзя тебѣ его видѣть; сіе письмо и безъ тебя его тронетъ, положись на меня, я довольно опишу ему сожалѣніе и раскаяніе твое: вамъ обѣимъ надобно любить только добродѣтель; не отвращай отъ себя раскаянія о грѣхѣ твоемъ; сіе есть знакомъ милости Божіей, которой видно не совсѣмъ тебя еще оставилъ. Я теперь пойду къ нему . . . . а я за тобую, вопіяла я . . . Вспомни о своемъ состояніи, Констанція, сказала Софія повелительнымъ голосомъ, такъ что остановилась я неподвижна на своемъ мѣстѣ; столь много добродѣтель имѣетъ власти надъ слабостями человѣческими! Отчаяніе овладѣло тогда мною . . . Ну, жестокосердая, я удовольствую желаніе твое; буду тебѣ послушна; не увижу С. Албона; но ты застанешь меня ужѐ мертвою. Скажи ему лучше, что я умерла, поди, безчеловѣчная, выхваляй себя предъ глазами его жестокосердымъ своимъ поступкомъ! . . . Ахъ! почтенная пріятельница, прости меня, прости смятенію моему Софія! Я чувствую цѣну твоихъ

благо-

благодѣяній: но любовь . . . . кромѣ ея ничего не знаю, кромѣ С. Албона ни на что не смотрю. Не знаю кЪ чему приступить . . . что дѣлать . . . ты не велишь мнѣ слѣдовать за собою! Запри же меня здѣсь, когда такЪ, говорила я вЪ ярости, засыпь меня землею, зарой вЪ самую глубину! Ежели ты меня сдѣсь удержишь, то не знаю, что я начну . . . . Побѣгу, брошусь за тобою. Разумъ мнѣ ужѐ не повелѣваетЪ, небо и честь молчатЪ, одна только несчастная любовь владѣетЪ душею моею.

Софія обняла меня и пошла изЪ кельи, которую заперла за собою. Увы! возопила я тогда: она ужѐ ушла! она увидитЪ С. Албона! АхЪ! что она ему скажетЪ? Теперь онЪ дожидается меня и я бы предалась ему на вѣки, но вмѣсто того теперь на вѣки разлучилась! О! Боже, Боже мой! какой еще бо́льшей жертвы потребуешь ты отЪ меня?

Повергнувшись на землю, орошала я ея слезами: смерть не устрашала меня нимало вЪ семЪ состояніи. ВЪ сей лютѣйшій часЪ сердце мое терзалось ужа-

сными мученіями, рыдала и испускала прежалостнѣйшій вопль; наконецъ возвратилась Софія. Я вскочила съ трепетомъ, что онъ тебѣ сказалъ? вопрошала я, останется ли онъ живъ, будетъ ли любить меня?.... или обѣщалъ подлинно, что перестанешъ? Правда ли Софія, что сохранитъ онъ жизнь свою? Она мнѣ пересказала подробно все, что съ нимъ говорила; онъ дѣйствительно дожидался меня въ подземномъ предѣлѣ въ назначенномъ часу. Сколь велико было его удивленіе, когда увидѣлъ Софію, которую съ начáла почелъ было за меня: какъ сильна была его горесть, отчаяніе и наконецъ обѣщаніе, обратиться на путь званія своего, для того что я ему то предписала, и что напослѣдокъ далъ онъ слово не лишать себя жизни; каждая рѣчь ея уязвляла сердце мое неисчетными ранами. Пользуйся теперь побѣдою своею, говорила я ей; теперь должна ты быть довольна, а мнѣ кромѣ смерти ничего ужѐ не остается.

Софія прощала мнѣ по благочестію и по дружбѣ своей всѣ укоризны, отъ

чрезвычайнаго заблужденія моего ей приносимыя; чрезъ то усугубляла она усердіе свое, и какъ искренней другъ соучаствовала скорби моей, такъ что плакала со мною вмѣстѣ. Жизнь моя стала приходить ужѐ къ концу; кромѣ гроба ничего я предъ собою не зрѣла и болѣе ничего не ожидала. Въ сихъ обстоятельствахъ получила я письмо отъ С. Албона изъ Голландіи слѣдующаго содержанія:

„Я обязался повиноваться все„высочайшей волѣ Создателя наше„го и не преступилъ обѣщанія моего; „остался живъ, но въ самонесчастнѣй„шемъ въ свѣтѣ состояніи, любя и „обожая тебя болѣе прежняго, буду„чи притомъ увѣренъ, что нелюбимъ „тобою, потому что ты не хотѣла „сдѣлать меня счастливымъ. Весьма „мнѣ прискорбно, что сдѣлалъ безплод„ное покушеніе, обезславя себя предъ „всѣмъ свѣтомъ и предъ самимъ со„бою и принужденъ будучи оставить „званіе мое. Не знаю какимъ несча„стнымъ случаемъ начальники мои узна-

„ ли о моемъ умыслѣ: не скрылось отъ „ нихъ и то, что добродѣтель ваша о- „ долѣла любовь, которая прежде смерти „ моей во мнѣ не угаснетъ. Наслаждай- „ тесь удивительною твердостію духа „ вашего, которая столь для меня сдѣ- „ лалась бѣдственною: но не считайте, „ чтобъ я вамъ подражать могъ; кромѣ „ васъ ни о чемъ я ни мыслить, ни вооб- „ ражать ничего не буду. Не думайте, „ чтобъ убоясь наказанія, сложилъ я съ „ себя иго мое, которое вы мнѣ сдѣ- „ лали отвратительнымъ; я по справе- „ дливости опасался, что лишенъ буду- „ чи вольности и подверженъ наказа- „ ніямъ, въ уставѣ нашемъ за престу- „ пленія положеннымъ, не буду ужѐ ниче- „ го знать о вашемъ состояніи, живы ли „ вы, и считаете ли меня достойнымъ „ сожалѣнія вашего, да и возможно ли „ вамъ быть столь жестокосердой? За- „ конъ и званіе ваше запретитъ ли вамъ „ оказывать сей знакъ чувствительно- „ сти? Я не упоминаю ужѐ о томъ чув- „ ствованіи, съ коимъ мы оба рождены „ и коему до смерти нашей обитать „ въ душахъ нашихъ должествовало;

„симъ напоминаніемъ не потревожу я
„ужè васъ болѣе; вы безъ сомнѣнія и-
„сполняя должности закономъ, званію
„вашему предписанныя, находите въ
„томъ утѣшеніе, а я не могу сего вку-
„шать счастія. Дѣло ужè совершилось!
„Судьба заставила меня чувствовать
„всю тяжесть прегрѣшенія моего, не
„имѣя способа отъ того избавиться.
„Даруй небо, чтобъ ты наслаждалась
„душевнымъ спокойствіемъ, о которомъ
„я и помыслить не могу! Позабудь
„меня .... Да къ чему я и то говорю?
„ты и безъ того истребила меня со-
„всѣмъ изъ памяти своей; возможно
„ли ужè мнѣ сомнѣваться о твоемъ
„равнодушіи? Но моя однако жъ горяч-
„ность была къ тебѣ всегда непремѣнна
„и безпорочна! Ахъ, Костанція! доса-
„ждаютъ ли небу, когда такъ любятъ?
„Пиши ко мнѣ по крайней мѣрѣ; под-
„крѣпляй меня, напоминай мнѣ дол-
„жность мою исполненіе добродѣтели,
„общія наши несчастія; не оставляй ме-
„ня письмами своими, душа моя по-
„летитъ на встрѣчу вожделѣнныхъ
„сихъ строкъ. Не столько ужасать

„тебя

„ тебя будетъ поступокъ мой, когда „ вспомнишь, что несобственное наше „ произволеніе; но хитрость и обманъ „ сплели наши узы, коихъ разорвать „ ты устрашилась, и что удалился я „ въ монастырь отъ горести той, что „ тебя лишился. А теперь ты и жива „ и я тебя увидѣлъ, но владѣть тобою „ не могу. Не предстоитъ ли мнѣ еще „ новаго несчастія? Не ненавидишь ли, „ не кленешь ли ты меня Констанція? „ Дѣлай что хочешь! только не умирай „ прежде меня.

Внизу было еще написано нѣсколько строкъ, но видно, что стерлись отъ слезъ. Письмо сіе сразило меня новымъ ударомъ! Прочтите, что онъ ко мнѣ пишетъ, говорила я Софіи, отдавая ей письмо С. Албоново; вотъ въ какія новыя ввергнулась я бѣдствія. О Боже мой! хотя и прогнѣвала я тебя, но недовольно ли ты меня наказалъ? Вотъ до чего доведенъ теперь С. Албонъ, имѣть равный жребій съ отпадшимъ отъ вѣры и вести гнусную и срамотою покрытую жизнь! А сама я безчеловѣч-

ловѣчная ввергнула его въ сїю ужасную пропасть.

Послѣ сего хотѣла я неотмѣнно умертвить себя; законъ ужѐ не устрашалъ меня; ужасное отчаянїе мною обладало; но ангелъ хранитель мой, дражайшая Софїя, приводила меня по немногу къ жизни, вливая въ душу мою столь утѣшительное благочестїе, принуждала меня послать еще письмо къ С. Албону и стараться уговорить его войти опять въ монастырь. Но ежели онъ будетъ наказанъ, говорила я прїятельницѣ моей, ежели хотя одинъ день, хотя одну минуну будетъ онъ страдать! Не бойся ничего, отвѣчала Софїя: его примутъ съ кротостїю и смиренїемъ. Законъ на налагаетъ большаго наказанїя грѣшникамъ, приносящимъ произвольное покаянїе: онъ можетъ быть обнадеженъ о благосклонности начальниковъ его. Они по усердїю своему, кромѣ нѣкоторыхъ выговоровъ и наставленїй, ничего ему не сдѣлаютъ. Представь себѣ, чемъ онъ тебѣ будетъ долженъ. Ты возвратишь ему потерянную

честь и попеченіе сообщниковъ его, приведешь его ко исполненію закона, наставить на путь добродѣтели, примиришь его со всевышнимъ Богомъ, въ милости и въ гнѣвѣ своемъ безпредѣльнымъ. Открой глаза свои, дражайшая Констанція, вострепещи отъ ужасной казни, грѣшнику сему готовящейся. Ежели смерть застанетъ его извлеченна отъ священныхъ узъ, самимъ Богомъ на насъ налагаемыхъ, тогда-то надобно будетъ плакать о немъ, но всѣ слезы твои, сестра моя, не избавятъ его отъ вѣчнаго мученія.

Слова сіи убѣдили меня. И такъ написала я къ С. Албону письмо. Софія сама мнѣ сказывала что писать, не дозволила мнѣ употребить ни одного слова, которое бы могло возбудить несчастную любовь нашу: я упоминала ему только, что долженъ онъ неотмѣнно вступить паки въ званіе свое и возложить опять священныя на себя узы. Сіе письмо казалось мнѣ очень жестокосердо, весьма оно отдалено было отъ душевныхъ моихъ чувствованій. Софія при-

приложила и отъ себя письмо. Я считала и дни и часы, въ которые ожидала отвѣта его. Ахъ! говорила я, сіе письмо опечалитъ С. Албона; кугда бы я могла упомянуть хотя одно слово . . . . когда бы онъ зналъ, что я его еще люблю . . . . Безчеловѣчная Софія! сердце твое не сходствуетъ съ моимъ.

Долгое время провождала я дни мои въ неописанномъ мученіи. Часто осыпа́ла укоризнами пріятельницу мою, что она заставила меня писать къ С. Албону столь жестокое письмо, пото́мъ просила у ея прощенія. Зная ужѐ гоненіе злой судьбы моей несумнѣнной, считала я, что онъ умеръ и что я была причиною смерти его.

По нѣкоему особливому въ обители нашей случившемуся обстоятельству, перевели меня и Софію въ сей монастырь. Благодарю Бога, что въ немъ узнала я тебя, любезная дочь моя, и могла тебѣ принесть послѣднія воздыханія мои; ибо письмо сіе почитаю я остаткомъ души̇ моей чувствованія,

кото-

которая скоро съ тѣломъ моимъ разлучится.

Перемѣнное жилище не перемѣнило ни мало внутренняго моего состоянія; да и гдѣ могла я скрыться отъ бѣдственной моей страсти? Въ одинъ вечеръ гуляла я въ саду, и задумавшись зашла наконецъ са́мой густой алеи: грусть ищетъ всегда уединенія и заводитъ въ самыя темныя и скрытыя мѣста; печаль находитъ въ нихъ нѣкое утѣшеніе и обремененная душа услаждается напоминаніемъ и оплакиваніемъ своихъ бѣдствій. Извѣстно, что стѣна наша смыкается съ мужескимъ монастыремъ. * * *. Вдругъ послышала я въ близи отъ меня стонъ, не понимая откуда онъ происходилъ; оглядываясь повсюду думала, что это мечта, стала подходить поближе, стонъ умножался; послышала наконецъ голосъ человѣческой и сіи слова: „ Я не требую, чтобъ свободили меня изъ темницы, но только „ прошу изъ человѣколюбія отдать письмо сіе по надписи . . . Остановясь примѣтила я, что свѣтится огонь сквозь

камней,

камней, кои въ стѣну вставлены были: страхъ и ужасъ обьяли меня. Побѣжала было прочь, но нѣкое особливое движенiе сильнѣе меня удержало и заставило возвратиться опять къ тому же мѣсту. Зачала я понемногу разбирать камни; но что увидѣла я! человѣка къ стѣнѣ прикованнаго, заключеннаго въ сей темницѣ, которую одна только лампада весьма тихимъ и угасающимъ свѣтомъ освѣщала; возлѣ стѣны стоялъ столъ, на которомъ лежало нѣсколько книгъ и мертвая голова. Я не просилъ помощи вашей, говоритъ мнѣ сей несчастный, чтобъ свободить меня изъ сего заключенiя, гдѣ хочу я умереть; но сдѣлайте милость, отнесите только ето письмо . . . . Я не допустила его окончить; вскричала изо всей мочи и упала безъ ума къ ногамъ его. Тебя-то С. Албонъ вижу я въ семъ состоянiи, возопила я образумясь! Поднявъ голову, не могъ онъ ничего выговорить кромѣ имени моего, Констанцiя. Уста его не мо-

гли ужѐ затвориться, обезумѣвъ и обезпамятѣвъ онъ, на силу могъ протянуть ко мнѣ ру́ки.

Ахъ! любезная дочь моя, возможно ли описать страшное сіе зрѣлище! Что я ето вижу! вопіяла я паки, ты ли такъ страдаешь возлюбленный мой бѣдственникъ?. . . Зри теперь, Констанція, плоды совѣтовъ твоихъ; но я не жалѣю себя, благодарю небо, что наказываетъ меня твоими руками. С. Албона ужѐ нѣтъ на свѣтѣ, Ѳеодо́сія ты только во мнѣ видишь; Богъ одержалъ наконецъ верьхъ надъ любовью. Письмо, которое ты видишь, написано кровью моею, въ немъ укорялъ я безчеловѣчіе твое, представлялъ, что законъ не запрещаетъ тебѣ быть чувствительною къ моему страданію.

Ухватя письмо сіе, облила я его слезами. Разсуди сама, продолжаетъ С. Албонъ, сколь ты была властна надо мною, ты писала ко мнѣ въ Голландію: послушавъ болѣе совѣта твоего, нежели

должности моей, полетѣлъ я во Францію; предсталъ предъ одного изъ начальниковъ моихъ; принесъ ему покаяніе мое; не скрылъ и того, что ты обратила меня къ званію моему; радовался о твоей побѣдѣ и хотѣлъ тебя о томъ увѣдомить; но ничто не помогло, ни чистосердечіе, ни произвольное мое раскаяніе. Вмѣсто сего отвѣта повлекли меня въ подземную сію темницу, гдѣ Богъ, давая мнѣ время на покаяніе цѣлыя пять лѣтъ, содержитъ томящееся мое дыханіе. Горесть моя служитъ мнѣ здѣсь въ снѣдь, а слезы мои въ жажду. Всевышній Богъ озарилъ меня свѣтомъ благоразумія; симъ письмомъ, которое прошу хранить, увѣдомлялъ я тебя, сколь много воздыхаю о своемъ заблужденіи, что душа моя... Нѣтъ, Констанція, нѣтъ, что любовь моя не будетъ уже тебѣ досаждать и небо раздражать. Теперь пылаю я къ тебѣ, какъ братъ къ сестрѣ, любовію чистою и горячностію невинною: послѣ Бога люблю я тебя болѣе всего на свѣтѣ; не прошу у тебя кромѣ слезъ

и сожалѣнія. Пролей моленіе твое предъ Создателемъ всея твари, да щедроты его простятъ беззаконіе мое: я сказалъ тебѣ ужè, что не проискивалъ убѣжать изъ сего заточенія; но хотѣлъ только, чтобъ ты знала, что я еще живъ и что сердце мое совсѣмъ ужè стало другое.... Но долго ли мнѣ себя обманывать, Констанція? Твой взоръ... Всевышній Боже! повели быть ей свидѣтельницею послѣдняго моего издыханія.

Нѣтъ способа, любезная дочь моя, описать тебѣ всего моего тогдашняго страданія! Устреми глазà свои на С. Албона, кричала я только и задыхалась отъ рыданія... Возможно ли, С. Албонъ, вопіяла я, видѣть мнѣ тебя въ семъ жестокомъ состояніи? Я несчастная ввергнула тебя во всю бездну злоключеній! я обременила тебя страшными сими оковами!... Однакожъ я сношу ихъ съ терпѣніемъ во твое послушаніе, отвѣчаетъ С. Албонъ проливая слёзы; ты обратила меня къ Богу, почему

живу

живу и умру я для него имѣвъ при концѣ моемъ и то утѣшеніе, что видѣлся съ тобою . . . . Ахъ! Констанція, бѣги отъ меня, бѣги, ... я чувствую, что тогда перестану тебя любить, когда перестану жить.

И вскорѣ потомъ взялъ онъ въ руки свои лежащую предъ нимъ мертвую голову: вотъ, продолжалъ онъ унылымъ голосомъ, во что я скоро превращуся! Сей образъ да твердится всегда въ мысляхъ нашихъ! Вотъ чему я скоро уподоблюсь! и возможно ли помышлять о любви тому, кто готовится къ страшному такому измѣненію?

Тогда увѣщевали мы взаимно другъ друга истребить изъ мыслей нашихъ то нѣжное чувствованіе, которое безпрестанно насъ волновало; но въ самой тотъ часъ, статься можетъ, когда проклинали мы беззаконную любовь нашу, пламень ея пожигалъ насъ тогда болѣе прежняго. Нѣтъ ничего столь труднаго, какъ побѣждать сродныя человѣче-

ловѣчеству дѣйствія, и страсти наши имѣютъ весьма тайныя побужденія такъ, что нѣтъ, кажется, способа къ побѣжденію таковыхъ, съ коими мы почти въ свѣтъ раждаемся. Между тѣмъ старалась я увѣрить С. Албона, что мы ужѐ совершенно обладали сердцами нашими, и что слёзы и движенія мои происходятъ единственно только отъ жалости; чемъ однакожъ я сама себя обманывала. Послѣ сего объявила я ему, какая причина завела меня въ тайное сіе заточеніе и по долгомъ разговорѣ наконецъ разстались, обнадежа его, что всегда посѣщать его стану, когда только возможно будетъ; потóмъ вставили мы опять камни въ стѣну по прежнему такъ, что и не можно было узнать, что они были вынятьı.

Возвратясь въ келію свою, размышляла я о семъ чрезвычайномъ произшествіи. Оно уподоблялось нѣкоей мечтѣ, приводящей человѣка въ большей ужасъ, когда онъ проснется и не знала какое принять намѣреніе. Софіи о томъ я не сказала,

сказала, да и отъ самой себя хотѣла бы скрыть, что видѣлась опять съ С. Албономъ. Между тѣмъ посѣщала я его часто, носила ему пищу, оплакивала его оковы; онъ утѣшалъ меня, и признавался, что никогда не имѣлъ столь благополучныхъ дней, что я превратила заточенiе его въ прiятнѣйшее селенiе и просилъ Бога, чтобъ душа его расталась съ тѣломъ при мнѣ.

Прiятельница моя застала меня однажды, какъ я отворяя темницу С. Албона, хотѣла войти въ нея. Куда ты идешь, вопрошала она меня? Исправить то, что сдѣлала твоя суровость, въ досадѣ моей отвѣчала я ей: вотъ плоды старанiя твоего, продолжала я отваливъ камни: узрѣвъ Θеодосiя и увѣдавъ всѣ его несчастiя, соединила она слёзы свои съ нашими.

Между тѣмъ не оставила она представить мнѣ, что мы оба подвергаемся великимъ искушенiямъ. Разсматривала ли ты себя прилѣжно, говоритъ она?

она? жалость ли одна ходить тебя къ Өеодосію побуждаетъ? влечетъ ли тебя къ нему одно желаніе помочь несчастному требующему помощи и достойному сожалѣнія? обманываетесь оба, Констанція; вы никогда еще такъ близко къ погибели не приближались ..... Но развѣ законъ запрещаетъ помогать несчастливому человѣку, умирающему съ голоду. Я причинила ему всѣ несчастія, а ты требуешь, Софія, чтобъ я его оставила.... Нѣтъ, я того не требую, но прошу только возложить на меня стараніе услаждать горестное его состояніе; я буду всячески стараться быть ему полезною, только ты не ходи къ нему, ежели не хочешь сдѣлаться законопреступницею; а когда бы ты и увѣрена, была, что поступокъ сей не богопротивенъ, то можно ли тебѣ льстить себя, что свиданія ваши останутся долго скрыты? Представь себѣ, какимъ мучительнымъ наказаніемъ ты его подвергаешь, когда провѣдаютъ, что отворенъ входъ въ темницу его.

Послѣднія

Послѣднія сіи слова тронули меня больше нежели укоризны ея и страхъ, чтобъ не поколебалось мое благочестіе; въ тотъ часъ поняла, что С. Албона угрожала неизбѣжная напасть; но не положилась однакожъ на обѣщанія Софіины, хотя и была я увѣрена, что всѣми силами будетъ она стараться одолжить С. Албона, но сердечное движеніе, которое во мнѣ еще не угасло, не допускало меня въ томъ на нея положиться. Кому кромѣ себя могла я ввѣрить пріятную сію должность?

По долгомъ размышленіи, написала я письмо къ начальнику того монастыря, гдѣ онъ содержался, коимъ всеусердно присила его пріѣхать въ нашу обитель, поговорить со мною о нѣкоемъ нужномъ дѣлѣ, отъ чего онъ и не отрекся. При входѣ извинилась я предъ нимъ, что приняла смѣлость просить его къ себѣ. Позвольте, святый отецъ, чтобъ говорила я стоя предъ вами на колѣняхъ; ни какъ, сестра моя, отвѣчаетъ онъ, я не допущу васъ до такого

униженія . . . . Воля ваша, я упаду къ ногамъ вашимъ, вы и учитель и молитвенникъ о душахъ нашихъ, къ вамъ прибѣгаю я съ тѣмъ упованіемъ, какъ и къ самому Богу, коего милость и щедроты неисчерпаемы. Старецъ сей сжалившись надо мною, усильно старался поднять меня: чему повинуясь сѣла я и начала ему подробно разсказывать всѣ свои бѣдственныя приключенія, не пропуская ниодного обстоятельства, доказавъ ясно, что не по собственному изволенію вступили мы въ монашеское общество, но сплетенная хитрость и обманъ тому руководствовали. Сіе повѣствованіе тронуло почтеннаго сего мужа. Честный отче, возопила я! самое человѣколюбіе и законъ заставляютъ тебя быть ко мнѣ милостивымъ; призри на моленіе мое; повели свободить отъ узъ несчастнаго Ѳеодосія и пріими его въ число прочихъ монаховъ. Я знаю признаніе его предъ тобою, что покушался онъ похитить меня и измѣнить мое состояніе. Но вѣдайте, что я сама привела

его

его къ беззаконному сему намѣренію; я несчастная заставила его забыть должность свою, честь и самаго Бога. Угрызеніе совѣсти удержало меня слѣдовать за нимъ въ иностранныя земли, хотя я первая подала поводъ къ сему заговору; и такъ осталась я одна виновною, слѣдовательно одна и наказанію достойна .... Отче мой, продолжала я, повергнувшись опять къ стопамъ его, внемли моленію моему! Даю тебѣ мое слово, что никогда не увижусь съ Ѳеодосіемъ и писать къ нему не стану. Онъ не узнаетъ и того, что сіе разлученіе лишитъ меня жизни.... Богъ принялъ чистосердечное его покаяніе; послѣдуйте и вы великому сему примѣру, будьте также милосерды, какъ Отецъ нашъ небесный милосердъ есть. Но вы молчите, не отвѣчаете мнѣ ни слова .... - Ежели не внятно предъ вами прошеніе мое, то не знаю ужè, что мнѣ дѣлать, пойду повергну себя къ стопамъ престола Всемилостивѣйшаго Обладателя нашего, пролію слезные предъ нимъ токи, исповѣдаю

даю грѣхъ и отчаяніе мое; слухъ о заблужденіи и о слабостяхъ моихъ промчится по всей вселенной . . . . пускай всякъ узнаетъ злодѣянія мои; сочтутъ меня законопреступницею. Я то знаю, обезславлю себя предъ всѣмъ свѣтомъ: но я на все дерзаю, готова претерпѣть не токмо стыдъ и безчестіе, но и жесточайшія мученія и умру довольна, ежели возмогу только спасти того, кого столько любила и кого, статься может, люблю еще и нынѣ, продолжала я возрыдавши . . . . . Святый отецъ, сдѣлаете ли мнѣ сію милость? Вы будете удовольствованы, отвѣчаетъ мнѣ старецъ сей, тронувшись горестнымъ моимъ состояніемъ. Я не давно еще вступилъ въ сей монастырь и не терплю таковыхъ мучительныхъ строгостей, кои святости ученія нашего весьма противны. Ѳеодосій конечно будетъ освобожденъ, когда увѣряете вы меня, что принесъ онъ покаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, и что вы съ нимъ не увидитесь, ниже писать къ нему станете. Я на все согласна, святый отецъ,

отецъ, на все поступлю: да останется онъ только живъ; да будетъ счастливъ, пускай меня забудетъ и я умру спокойно.

Соучаствуйте радости моей, говорила я прибѣжавъ къ Софіи; я избавила Ѳеодосія отъ узъ темничныхъ, просила начальника и онъ на то согласился. Хотя и никогда его я ужè не увижу, но мнѣ обязанъ онъ будетъ счастіемъ своимъ. Теперь кромѣ Бога ни о чемъ помышлять я ужè не стану.

И такъ выхваляя поступокъ свой, чувствовала я тайное увеселеніе, что для оправданія С. Албона сама я себя обвиняла. Да и въ самомъ дѣлѣ, говорила я себѣ, не я ли первая виновница несчастія его? Когда бы онъ не зналъ и не любилъ меня, то могъ ли бы нарушить святой обѣтъ свой? несчастная Констанція! не воображай себѣ ничего болѣе кромѣ того, что имѣла счастіе разрушить оковы Ѳеодосіевы; позабудь, что ты на свѣтѣ; принеси сердце твое

и

и жизнь твою въ жертву за то, что отдала справедливой долгъ бѣдственной своей любви.

Стараясь наслаждаться плодами мнимой своей побѣды, получила я отъ неизвѣстнаго человѣка письмо слѣдующаго содержанія: „Не долго наслаждался я благодѣяніями вашими, ежели „можно назвать симъ именемъ жестокую услугу, которую вы мнѣ оказали. „Хотя затворенъ будучи въ темницѣ, „стеналъ я подъ тяжестію оковъ моихъ, но всегда могъ тебя видѣть, разсказывать тебѣ страданія мои; ты „отирала мои слезы, говорила, что я „еще тебѣ милъ, а теперь лишился я „сего утѣшенія, которое единственно „прилѣпляло меня къ жизни. По выходѣ изъ темницы не могъ я снести „ни свѣта дневнаго, ни сіянія солнечнаго, лишенъ будучи твоего присутствія, и въ то время, какъ пишу я „къ тебѣ сіе письмо, поверженъ я ужè „на смертномъ одрѣ. Возможно ли въ „сей часъ лгать предъ Богомъ, Констанція?

„станція? Долженъ тебѣ признаться,
„что никогда не переставалъ любить
„тебя; правда, что бѣдствія и злоклю-
„ченія мои сдѣлали любовь сію не столь
„порочною. Вспомни ты, что небо на-
„значило меня быть твоимъ супругомъ,
„и ежели я прогнѣвляю его противъ
„воли моей, то прошу отъ всея души
„моея, да проститъ мнѣ согрѣшеніе
„мое: но образъ твой не истребится
„изъ мыслей моихъ, доколѣ дыханіе жиз-
„ни во мнѣ останется; смерть моя да
„укротитъ прогнѣванное божество!
„Соедини слёзы и моленія твои съ мо-
„имъ, сего послѣдняго знака велико-
„душія ожидаю я отъ нѣжной твоей
„души. Прощай! прощай на вѣки! прости
„мнѣ, что былъ причиною всѣхъ твоихъ
„несчастій. Смерть ко мнѣ приближает-
ся . . . . Боже мой! я спѣшу прибѣ-
„гнуть къ твоему милосердію.

Смерть С. Албона скончевала по малу и мою жизнь. Сей нечаянной ударъ сразилъ меня, одна только Софія подкрѣпляла и содержала томящееся мое

дыха-

дыханіе. Бодрствующая сія пріятельница усугубляла ежедневно свое обо мнѣ стараніе. Ея грудь орошала я остаткомъ слезъ, ліющихся изъ изсохшихъ очей моихъ. Но всѣ сіи жертвы не удовлетворили правосудія Божіяго; онъ простеръ руку отмщенія и восхитилъ послѣднее на землѣ оставшееся мнѣ утѣшеніе, дабы я узнала, что къ нему единому должны мы прилѣпляться и его единаго любить всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ нашимъ. Онъ отверзъ мнѣ врата смерти и вселилъ меня во гробъ. Софія, дражайшая моя пріятельница, занемогла; всѣ чувства души моей пробудились тогда отъ горести. Новой страхъ овладѣлъ мною и я почувствовала, что сердце мое еще въ состояніи любить, и уязвляться новыми ранами. Болѣзнь благодѣтельницы моей сдѣлалась опасною; и наконецъ дражайшая сія пріятельница и единственная моя отрада и утѣшеніе стала приближаться къ концу своему: отдаля прочихъ сообщниковъ своихъ, говорила она мнѣ слѣдующую рѣчь, которая ни-

никогда въ памяти моей не угаснетъ: не плачь, но паче радуйся со мною Констанція, что приближаюсь я къ концу всѣмъ намъ опредѣленному. Я пылаю ненасытнымъ желаніемъ соединиться съ начальникомъ жизни нашея; онъ былъ всегда единственнымъ предметомъ любви моея; ему единому посвятила я всѣ дни мои; его единаго почитала и ему единому покланялась, яко Владыкѣ и Господу моему, въ руцѣ его предаю и послѣднее мое издыханіе, моля его, да подастъ ослабу всѣмъ согрѣшеніямъ моимъ въ воздаяніе безпредѣльнаго упованія моего на его милосердіе. Болѣе всего печалитъ меня то, что ты лишаешся пріятельницы, которая бы могла тебѣ быть полезною и какой, смѣю сказать, въ свѣтѣ ты ужѐ не найдешь. Заклинаю тебя искреннею дружбою моею, коею всегда я къ тебѣ пылала; обратись совершенно на путь спасенія; прибѣгни къ благоутробію Создателя нашего; согрѣй сердце свое Божественною любовію и возложи упованіе твое на святую волю его. Спокойно я умру, когда

да увѣрена буду, что ты сохранишь завѣщанія мои: въ немъ найдешь ты все свое блаженство, коего тебѣ я отъ всего сердца моего желаю.

Потомъ подала она мнѣ свою руку, которую ухватя облила я слезами моими. И такъ лишилась я всего на свѣтѣ; дражайшая моя Софія испустила при мнѣ духъ свой. Бросясь на бездушное тѣло ея, лобызала его и орошала слезами, приносила ему плачъ и рыданіе мое; но очи ея, въ коихъ сіяла святая надежда, встремлены уже были неподвижно къ небу; на всемъ лицѣ ея видно было пріятное упокоеніе, возвѣщающее безсмертіе души ея и оная неизглаголанная радость, съ которою праведники предаются въ руки Создателя своего.

Сія преставльшаяся великодушная пріятельница моя, не оставила меня и по кончинѣ своей. Ибо думаю я, что молитвами ея подадутъ нѣкое услажденіе горестямъ моимъ, кои толикихъ слезъ изъ очей моихъ уже извлекаютъ; за-

конѣ заступилѣ мѣсто ихѣ вѣ сердцѣ моемѣ; ничто кромѣ его не предстоитѣ ужѐ мыслямѣ моимѣ; сѣ радостїю предчувствую ужѐ, что скоро соединюсь сѣ несравненною Софїею . . . . Но можно ли мнѣ, Великїй Боже! упомянуть еще о Ѳеодосїи? Не прогнѣвала ли бы я тебя, когда вѣ настоящемѣ состоянїи моемѣ пожелала бы видѣть его столь твердаго вѣ законѣ и такѣ извлеченнаго страсти своей, какова я сама? не простилѣ ли бы ты грѣхи его? слёзы мои не укротили ли бы гнѣва твоего?

Вотѣ, любезная дочь моя, до какого состоянїя доходятѣ люди покорившїеся страстямѣ своимѣ. Монашеская жизнь есть мученїе для зараженныхѣ мїрскими сладостями сердцѣ; а для непорочныхѣ, добродѣтельныхѣ и благочестивыхѣ, каково было Софїино, кажется монастырь мѣстомѣ благополучїя и увеселенїя. Огради себя предѣлами закона, любезная сестра моя, и будь увѣрена, что укрѣпившимися правилами онаго, не останется ничего ни желать, ни бояться

ся на земли. Мірское прилѣпленіе съ Божественнымъ никакъ сравняться не можетъ! Обитаемая нами земля представляется мнѣ ужѐ одною точкою, въ разсужденіи всея вселенныя и я возношусь къ вѣчности.

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

стра.	строк.	Напечатано.	читай
3	2	любез-зная	любезная
—	10	наищастливѣй-шей	наинещастливѣй-шей
5	3	являетъ	является
7	8	де албонъ	де с. Албонъ
—	14	становитая	сановитая
12	4	подъ землею	подземелью
16	3	по справедли-вости	по справедли-вости ли
17	1	дрожайшею	дрожащею
18	10	воспитаніе	воспитаніе ваше
20	16	пребывающимся	прерывающимся
—	21	повергаютъ	повергаются
21	4	на ближняго, на покровителя,	ни ближняго, ни покровителя
24	15	сопротивляющіе-ся	сопротивляющее-ся
—	22	поступолъ	поступокъ
25	1	лобовь	любовь
27	22	его	ея
32	13	скрылся	скрылось
33	10	въ жеству	въ жертву
34	8	предалабъ	предалась

стра.	строк.	Напечатано.	читай
35	2	всегла	всегда
36	12	прилѣпляемся какъ	прилѣпляемся, какъ
—	19	угрызенiя	угрызенiе
—	21	добродѣтелъ	добродѣтели
37	5	дѣствовали	дѣйствовали
38	12	предъ глазими	предъ глазами
39	9	На еданѣ	На единѣ
—	13	осиливалась	усиливалась
41	23	я	и
42	1	необходимамо	необходимаго
46	12	наисвирѣйшимъ	наисвирѣпѣйшимъ
49	8	страданiемъ	страданiямъ
51	11	проходитъ	приходитъ
—	25	угубляютъ	усугубляютъ
52	20	несравненой	несравненно
54	3	упуская	упускала
54	18	что	чтобы
55	16	его	ея
58	9	стремившiеся	стремившiяся
60	6	сокрушаеться	сокрушаться
63	12	я достоинъ	и достоинъ
66	27	помращающую	помрачающую
67	6	свящи	свѣщи
69	24	приступленiя	преступленiя
70	10	уловила	уловили
71	21	что	чтобъ
73	8	печильное	печальное
74	15	минуту	минуты
75	1	поверенное	поверженное
—	12	себя	себѣ
—	13	достойною	достойную
—	17	которой	которую
77	14	разрушаетъ. К	разрушаетъ, к

Напеча-

стра.	строк.	Напечатано.	читай
—	15	соединятся,	соединится
—	17	вселенною	вселенную
79	4	посрамленіе	посрамленія
—	10	и званія	званія
81	8	посьмо	письмо
82	21	кЪ святыхЪ	кЪ святымЪ
83	16	жизнь. С.	жизнь, с.
84	27	себя	себѢ
85	21	совершеное	совершенно
93	17	на налагаетЪ	не налагаетЪ
94	1	попеченіе	почтеніе
—	3	наставить	наставишь
—		добродитѢли	добродѢтели
95	4	кугдабы	когда бы
—	16	несумненной	несумнѢнно
—	26	остаткомЪ души моей, чувствованія	остаткомЪ чувствованія души моей
99	9	сего	всего
100	15	устреми	устремя
104	23	наказаніемЪ	наказаніямЪ
105	17	присила	просила
107	16	ето	его
112	25	сообщнихЪ	сообщницЪ
114	13	встремлены	устремлены
—	19	представльшаяся	преставльшаяся
—	22	молитвами	молитвы
—	23	толикихЪ	токи
115	24	укрѢпившимися	укрѢпившимся

